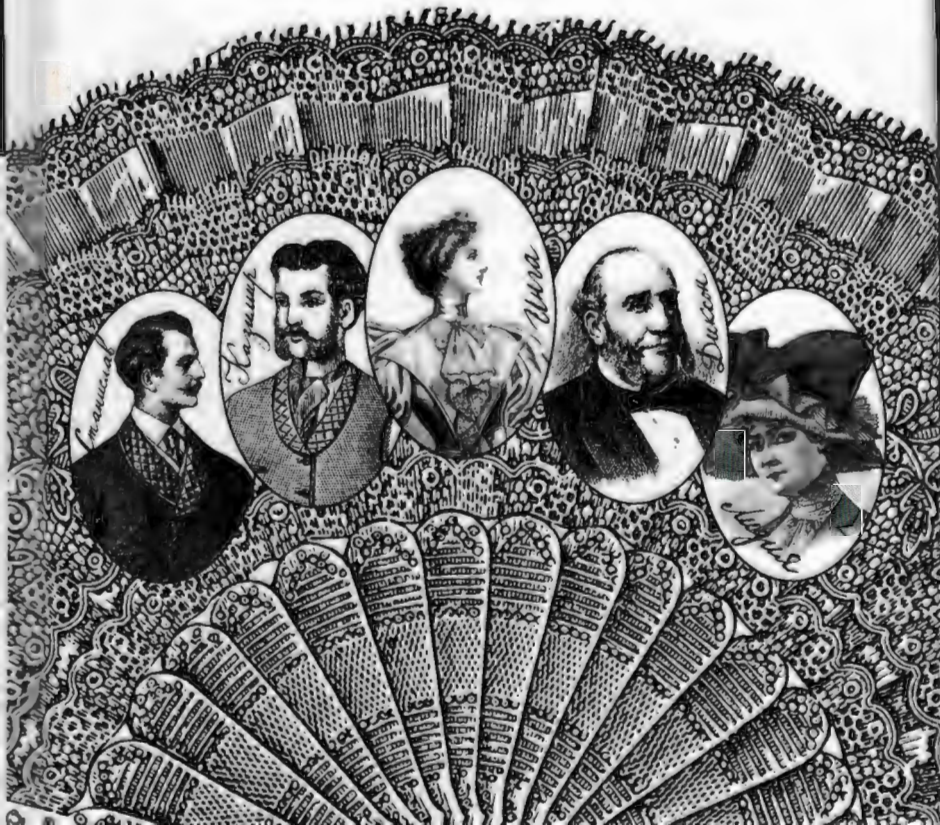

Борис Акунин ИНЬ И ЯН

белая версия

陽

ЗАХАРОВ

Борис Акунин

ИНЬ И ЯН

ЗАХАРОВ • МОСКВА

УДК 882
ББК 84Р1-44
А 44

Директор издательства
Ирина Евг. Богат

Издатель Захаров
Лицензия ЛР №065779
от 1 апреля 1998 г.
121069, Столовый переулок, 4,
офис 9 (рядом с Никитскими
Воротами, отдельный вход в
арке)

Тел.: 291-12-17, 258-69-10.
Факс: 258-69-09
Наш сайт: www.zakharov.ru
E-mail: zakharov@dataforce.net

Художественное оформление
Григорий Златогоров

Верстка
Кирилл Лачугин

ISBN 5-8159-0584-4

9 785815 905849

Подписано в печать 02.02.2006.
Формат 70×100¹/₃₂.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Бумага писчая. Усл. печ. л. 7,1.
Тираж 70 000 экз. Изд. № 584.
Заказ № 67.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург,
ул. Тургенева, 13.

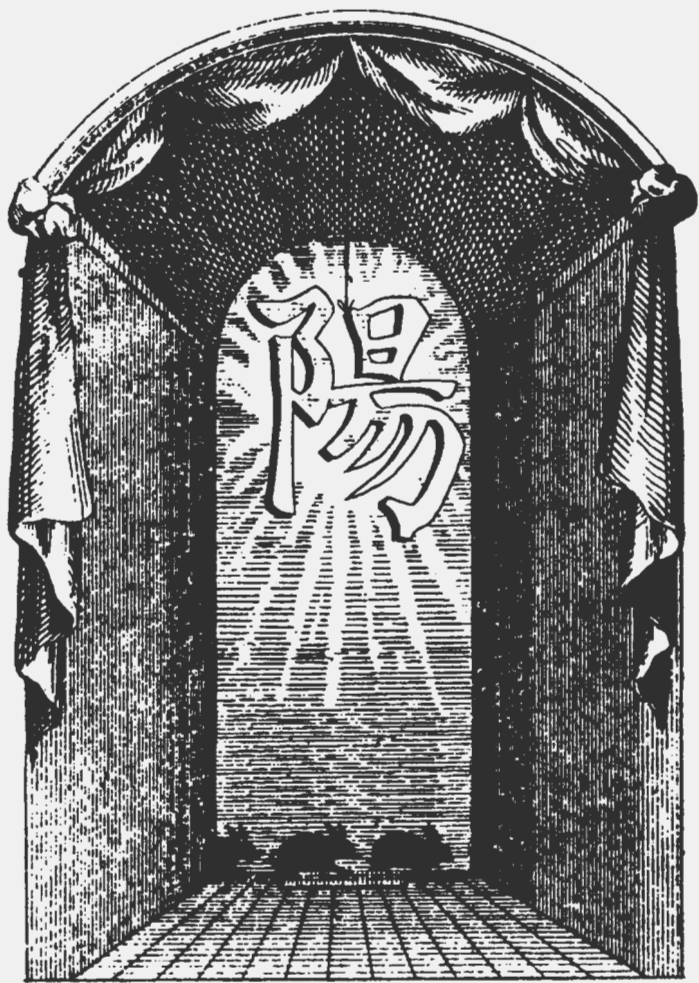
А 44 Акунин Б. Инь и ян. — М.: Захаров, 2006. — 176 с.

«Инь и ян» — это театральный эксперимент. Один и тот же сюжет изложен в двух версиях, внешне похожих одна на другую, но принадлежащих к двум совершенно разным мирам. По форме это детектив, расследование ведет великий сыщик Эраст Фандорин, которому помогает его верный слуга Маса. Пьеса была написана автором специально для режиссера Алексея Бородина (Российский академический молодежный театр).

ISBN 5-8159-0584-4

УДК 882
ББК 84Р1-44

© Б.Акунин, автор, 2006
© И.Захаров, издатель, 2006

черная версия

Действующие лица

Эраст Петрович Фандорин, чиновник особых поручений при московском генерал-губернаторе.

Маса, камердинер Фандорина.

Ян Казимирович Борецкий, недоучившийся студент.

Инга Станиславовна Борецкая, его кузина.

Казимир Иосифович Борецкий, отец Яна.

Станислав Иосифович Борецкий, отец Инги.

Лидия Анатольевна Борецкая, жена Станислава Иосифовича, мать Инги.

Роберт Андреевич Диксон, домашний врач.

Степан Степанович Слюньков, нотариус.

Фаддей Поликарпович, камердинер покойного хозяина усадьбы.

Аркаша, лакей.

Глаша, горничная.

Черный кролик

Действие происходит в 1882 году в подмосковной усадьбе покойного Сигизмунда Борецкого.

Первое действие

1. Влюбленные

Сцена разделена перегородкой, причём часть, что находится слева (она вдвое шире правой), закрыта занавесом, а правая часть открыта. Вдали погромыхивает приближающаяся гроза.

*Справа из-за кулис выходит Инга, прижимая к груди чёрного кролика. За ней следом выходит Ян. Он в клеённом фартуке поверх студенческой ту-
журки.*

ЯН: Инга, отдай животное!

ИНГА: Как бы не так. Ты будешь мучить бедняжку. *(Целует кролика.)*

ЯН: Такое у меня ремесло — мучить животных, чтоб избавить от мук человечество. Знаешь, сколько людей ежегодно умирает от столбняка?

ИНГА: Знаю, ты уже говорил. И я нисколько не сомневаюсь, что ты победишь эту свою столбнячную бациллу... Как её...

ЯН: Бацилла Николайера.

ИНГА: Победишь своего Николайера, спасёшь человечество от столбняка, и тебе поставят памятник. Но в чём виноват этот пушистый, этот ушастый? *(Снова целует кролика.)* И чего стоит

спасение человечества, если для этого пришлось замучить маленького кролика?

ЯН: Это из Достоевского? Не по моей части. Я рационалист, а не моралист. Пожертвовать несколькими кроликами ради того, чтобы спасти тысячи людей — это рационально. Смотри. *(Достаёт из кармана футляр, из него изрядного размера шприц.)* Вот она, столбнячная бацилла. Эта коварная убийца проникает в кровь через пустяковую ранку и вызывает страшную, мучительную смерть. Я уверен, что антитоксин можно добыть из сыворотки крови иммунизированного кролика! Может быть, именно этот экземпляр даст мне ключ!

Хочет забрать кролика, Инга не выпускает, и они застывают в этом полубьятыи.

ИНГА: ...Ян, ты одержимый. Даже сюда привёз клетку с кроликами. Это в дом покойника!

ЯН: Здесь замечательное электрическое освещение, можно работать ночью. А дядя Сигизмунд тоже был в некотором роде учёный. Он не обидится.

ИНГА: Я знаю, он вызывал тебя незадолго до смерти. О чём вы говорили?

ЯН: Расспрашивал о моих экспериментах.

ИНГА: Как это замечательно! Наверное, решил оставить тебе денег на исследования!

ЯН: Если и так, что проку? Мне до совершеннолетия ещё семь месяцев. Опекунотом станет папаша, он все денежки в два счёта спустит, ты его знаешь. И дядя Сигизмунд это тоже знал. Нет уж, любимая племянница у него была ты, тебе всё и достанется.

ИНГА: Мне не нужно богатства. Я просила дядю не унижать моей любви к нему, завещать какую-нибудь безделицу на добрую память — и только.

ЯН: Душешипательные мерихлюндии. Чёрт, мне бы хоть тысячу рублей! Я бы снял настоящую лабораторию, купил швейцарское оборудование... Пойми ты, я в двух шагах от великого открытия! Если мне удастся... Ух, если мне удастся одолеть бациллу Николайера! Недоучившийся студент открыл противостолбнячный антитоксин! Представляешь?

ИНГА: Я верю в тебя, ты гений! Но ты как маленький ребенок, ты без меня пропадёшь. Мы обязательно поженимся. Пускай мои родители против, пускай церковь не позволяет венчать двоюродных — всё равно, мы непременно будем вместе.

ЯН (*рассеянно*): Да, ерунда. Мы уедем в Америку. Что нам церковь?

ИНГА: Нет, я хочу, чтобы всё было по-настоящему. Держи свой «экземпляр» и пойдём. Все уже в гостиной, сейчас будут читать завещание. Идём же! Не то опоздаем!

ЯН: Да пропади они пропадом со своим завещанием!

ИНГА: Глупый, ты ничего не понимаешь в практических делах. Твой антитоксин то ли добудется, то ли нет. А вот если дядюшка оставил состояние тебе, мы сможем обвенчаться и без бациллы. Папа сразу подберет. Напишет архиепископу, и тот даст разрешение на брак.

ЯН: Иди, коли тебе интересно. А мне противно зависеть от капризов богатого сумасброда. Да и на

папашу моего драгоценного лишний раз любоваться неохота. (Кролику.) Пойдём-ка, лучше, брат, поработаем.

ИНГА: Милый, ну пожалуйста... (Гладит его по щеке. Ян поправляет очки.) Идём! От этого зависит наше будущее.

Тянет его за собой. Ян неохотно идёт, прижимая к груди кролика.

2. Онемели

Занавес открывается слева и закрывается справа. Видно гостиную. За окнами темно, время от времени полыхают зарницы. Вошедшие Ян и Инга застают немую сцену: все, кто находится в гостиной, застыли на месте.

Нотариус Степан Степанович Слюньков, лысый, с седым венчиком волос, стоит посередине комнаты, держит в руках листок — он единственный, кто не проявляет никаких эмоций. Прочие околочены от изумления, всяк по своему. Казимир Иосифович Борецкий (отец Яна) удручён и потрясён. Станислав Иосифович и Лидия Анатольевна Борецкие (родители Инги) не верят своему счастью. Доктор Диксон развёл руками и вытаращил глаза. У дверей стоят слуги: Фаддей, Аркаша, Глаша. Фаддей неодобрительно наклонил голову. Аркаша разинул рот. Глаша испуганно прикрыла губки ладонью.

Ян и Инга тоже изумлены, переглядываются.

ЯН: Это что ещё за немая сцена?

Застывшие фигуры оживают.

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Убит! Раздавлен пятою судьбы! Как червь! Ян, сын мой, мы погибли!

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Инга! Ангел мой! Это сон! Чудесный сон!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ (*вытирая лоб платком*): Уф, даже в жар кинуло! С одной стороны, это, конечно, обидно — так обойтись с родным братом, то есть, собственно, с обоими братьями... Но, с другой стороны, это его право.

ДОКТОР ДИКСОН: It's unbelievable... Прошу вас, sir... сударь, прочтите ещё раз!

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА и СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Да-да, пожалуйста! Прочтите снова!

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Вот именно, снова! Проклятьё! Когда я трезв, ничего не соображаю... Какой, к чёртову дедушке веер? Ян, где моя фляжечка? Отдай!

ЯН: Когда уедем, не раньше. Кто клятву давал? Я только на этом условии с вами и поехал...

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Изверг, отцеубийца! Один глоточек коньячку! Ведь гибель последней надежды!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Помолчи, Казимир! Читайте!

СЛЮНЬКОВ (*читает*): «Сего тридцатого августа 1882 года, находясь в здравом уме и трезвой памяти, я, Сигизмунд Иосифович Борецкий, в присутствии нотариуса Степана Степановича Слюнькова...» (*кланяется и вскрикивает, хватаясь за поясницу*). Проклятая поясница! «...Слюнь-

кова объявляю мою последнюю волю касательно принадлежащего мне...»

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Ах нет! Не нужно всё. Только самый конец.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Да, последнее предложение.

СЛЮНЬКОВ: Извольте. Вот: «...Всё вышеперечисленное движимое и недвижимое имущество, равно как и вклады в «Русско-Азиатском банке» и банке «Кредит Лионнэз», завещаю моей племяннице Инге Станиславовне Борецкой...»

ИНГА (*пронзительно*): Я же его просила!

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Господи! Да святится имя Твое!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Зачем девочке, почти ребенку, такое состояние? Душенька, ты и распорядиться им не сможешь.

ИНГА: Ничего, папенька мне уже 21 год, я совершеннолетняя. А что там дальше?

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Да-да, самый-то конец. Может, я недопонял? Ян, слушай!

СЛЮНЬКОВ (*читает дальше*): «...моему племяннику Яну Казимировичу Борецкому завещаю свой бумажный веер, который передаю на ответственное хранение в нотариальную контору «Слюньков и Слюньков». Далее только число и подпись.

ДИКСОН: It's incredible! Absolutely incredible! Я лечил этот человек три месяца! Хоть бы мелочь завещал! Out of common decency!

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Если б вы, доктор, его вылечили — тогда другое дело, а так за что вам? Он и мне-то, брату любимому, согбен-

ному под ударами судьбы, ни шиша не пожаловал... Над племянником, несчастным юношей, жестоко поглумился. Бумажный веер, каково? Ян, сынок, принеси фляжечку... Плохо мне...

ЯН: Да ну вас к чёрту, старый вы пьяница! Что я здесь время теряю! *(Хочет уйти.)*

ИНГА: Постой! Не уходи! Про веер это не просто так! Здесь какая-то тайна!

ЯН: Не тайна, а насмешка! Будь прокляты толстосумы, издевающиеся над людьми!

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Но как же... Это несправедливо! Я нищ, кругом в долгах! А Стасик и без того богат!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Не богат, а состоятелен. Это наша Инга теперь миллионщица. *(С чувством, обращаясь к висящему на стене портрету)*. Сигизмунд, я всю жизнь завидовал тебе. Твоей хватке, твоей неукротимой энергии. Прости меня! Да будет земля тебе пухом!

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Каким еще пухом! Я только давеча, на прошлой неделе, занял пять тысяч... Надеялся выплатить из наследства!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Что ж, мне жаль твоего кредитора. Глупый человек, нашёл, кому одалживать.

Казимир Иосифович внезапно раздражается истерическим хохотом и никак не может остановиться.

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Ой... Ой, Стаська... Тут ты прав... Прав, как никогда!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ *(брезгливо отвернувшись)*: Скажите, господин... э-э... Слюньков, а

когда моя дочь сможет вступить, так сказать, в права наследования? Она слишком юна и неопытна, чтобы самой разобраться в подобных вещах...

ДИКСОН (*перебивает*): Господа, господа! А веер?

ИНГА: В самом деле! У дяди была великолепная коллекция восточных раритетов. Может быть, этот веер представляет какую-нибудь невероятную ценность?

ЯН: Бумажный-то?

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Да! Где наш веер?.. Бу... (*всхлипывает*) бумажный...

СЛЮНЬКОВ: Я уполномочен сообщить вам, что указанный в завещании предмет действительно был передан мне завещателем и, согласно полученным инструкциям, доставлен сюда, в подмосковное имение усопшего. Однако...

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Какое ещё «однако»? Где наше наследство?

СЛЮНЬКОВ: Честно говоря, я пребываю в некотором затруднении... Видите ли, в инструкции сказано, что означенный предмет должен быть передан наследнику в присутствии одного человека, некоего Фандорина Эраста Петровича, который сделает необходимые разъяснения...

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Фандорин? Не тот ли это молодой человек, о котором говорили в салоне у Одинцовой?

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Да, вне всякого сомнения. Он ведь недавно вернулся с Востока. И Сигизмунд тоже много времени провёл в Китае и Японии.

ДИКСОН: Что за господин Фандорин?

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Чиновник, состоящий при его сиятельстве московском генерал-губернаторе. Молодой, но очень на виду.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Рассказывают, будто бы после какой-то трагической истории он долго жил на востоке и превратился в совершенного азиата!

ЯН: Ну и где он, ваш азиат? (*Нотариусу.*) Вы ему писали?

СЛЮНЬКОВ: Разумеется. И получил уверение, что господин Фандорин придет. Однако коляска, отправленная к московскому поезду ещё утром, не вернулась, а теперь уже вечер...

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Фаддей, кто поехал к поезду?

ФАДДЕЙ: Это я, ваше превосходительство, не могу знать. Я при барине-покойнике в камердинерах состоял. А про лошадей ничего не знаю, не моя плепорция. Если насчет провизии распорядиться или счета проверить, прислугу нанять либо уволить, это ко мне. И чтоб порядок в доме был, это тоже я...

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Ну хорошо, хорошо! А по лошадям у вас тут кто?

ФАДДЕЙ: Это смотря по каким лошадям. Если по барским — одно, по хозяйственным — другое.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ (*теряя терпение*): На которых поехали встречать господина Фандорина?

ФАДДЕЙ: На барских. Он же барин. Это вот по Аркашиной части.

АРКАША (*кланяясь*): Так точно, по моей-с. Я при почившем нашем благодетеле в лакеях состоял-с, для всякой личной и даже конфиденсной надобности. И насчёт экипажей, и в смысле гардероба, и гигиены организма — всё я-с, потому как специально обучен и все сии премудрости превзошёл.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: До чего ж вы все говорливы! Если ты «насчёт экипажей», то почему не поехал встречать?

АРКАША: Как можно-с? Столько дорогих гостей. Одному Фаддей Поликарпычу с Глафирой не управиться. Я кучера Митяя снарядил. Он хоть человек глупый, даже, антр-ну, полный дубина-с, но до станции, надо думать, не заплутает.

Горничная Глаша прыскает.

ЯН: Значит, не приехал ваш «азиат». А дубина Митяй, чем обратно воротиться, будет теперь до скончания века на станции сидеть.

АРКАША: Это очень возможно-с, потому совсем глупый человек.

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Ну так и бес с ними, с разъяснениями. Дайте посмотреть, что за предмет достался моему сиротинушке.

ЯН: Да, давайте поскорей кончим с этим балаганом.

СЛЮНЬКОВ: Я должен следовать полученной инструкции, но раз господин Фандорин не приехал... И если такова воля наследника...

ЯН: Такова, такова. Давайте веер, где он у вас?

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Ян, принеси коньячку, душа горит!

Ян делает вид, что не слышит.

СЛЮНЬКОВ: Как угодно. (Слугам.) Внесите!

Фаддей и Аркаша выходят и тут же возвращаются, с трудом неся большой сундук.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Ничего себе веер!

СЛЮНЬКОВ: Ключи должны находиться у камердинера покойного.

Фаддей торжественно снимает с шеи и показывает всем кольцо с ключами. Передаёт его Слюнькову. Все, затаив дыхание, наблюдают за действиями нотариуса. Он отпирает сундук, подаёт знак слугам. Они вынимают из сундука металлический несгораемый ящик. Нотариус открывает один за другим три замка, каждый своим ключом. Из ящика извлекает длинную узкую шкатулку. Из шкатулки нечто, обёрнутое узорчатым шёлком. Внутри — картонный футляр. Из футляра, наконец, появляется сам веер. Он большой, надорванный в нескольких местах. С одной стороны чёрный, с другой белый. На белой стороне китайский иероглиф «солнце», на чёрной — иероглиф «луна».

СЛЮНЬКОВ: Вот... Прошу...

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ (*принимая и растерянно разглядывая веер*): Драньё какое-то! Ему красная цена полтинник!

ФАДДЕЙ: И то — страмота. Нехорошо. Я сколько разов говорил барину — дайте починю. Карточку аккуратненько снять, папиросной бумажкой подклеить, и будет вещь. Хошь — на стенку вешай, хошь — личность обмахивай. А они только ругались, дурнем старым обзывали. Руки сулились оборвать... (*Бормочет что-то и дальше, но его уже никто не слушает.*)

ДИКСОН: Позвольте-ка... Я немножко разбираюсь в таких вещах... О, сударь, вы не правы. Это старинная вещь. Любитель восточной antique даст хорошие деньги. Думаю, рублей пятьсот, а то и тысячу.

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Тысячу рублей? За это? И вы знаете таких идиотов?

ЯН: Папаша, тут не место и не время для торговых сделок.

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Помолчи, ты ничего не понимаешь в коммерции. Ты несовершеннолетний. Я как опекун должен позаботиться о твоих интересах. Тысячу рублей я помешу в банк, под проценты... Сам спасибо скажешь. Потом, когда вступишь в эти... в права наследства. Лучши сходи за коньяком. Полцарства, то бишь полвеера за мою фляжечку!

ДИКСОН: Как врач, скажу: немного alcohol вредить не может.

ЯН: Отец, веер завешан мне!

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Не мешай, я действую в твоих же интересах. Ну же, неси коньяк!

ЯН: Как вы мне надоели! Да хоть до смерти упейтесь, мне-то что!

Сердито идёт к выходу.

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ (ему вслед): Сын мой, золотое сердце! И лимончик! У меня там на блюдецке ломтики порезаны! (Диксону.) Так знаете идиота или нет?

ДИКСОН: Одного collectioner знаю, в Москве. Могу пробовать.

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Буду нижайше признателен! Тысяча рублей меня, знаете ли, очень бы... И вам процентиков десять дам, слово дворянина!

ДИКСОН (*продолжая рассматривать веер*): Я врач, а не комиссионер. Всё, что даст мой знакомый, достанется вам. А вещь, я смотрю, в самом деле интересная. Who knows, может быть, удастся получить больше.

Возвращается Ян. Он уже без кролика, несёт плоскую стеклянную флягу.

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Так забирайте его! Покажите вашему коллекционеру. Верю вам, как сыну благородного Альбиона, что не обманете несчастного мизерабля! Янчик! Дай, дай её сюда! (*Жадно хватает у сына флягу.*) А лимончик? Про лимончик забыл?

ЯН: Вылакаете и без лимончика.

Казимир Иосифович пьёт.

ЯН (*отходя к Инге*): Последние мозги пропивает! А достоинство давно уж пропил! Сейчас налижется, ему в последнее время двух капель довольно, и начнёт паясничать!

ИНГА: Не начнёт. Положись на меня.

Инга подходит к дяде, ласково забирает у него флягу и веер, кладёт флягу на стол, веер остаётся у неё в руке.

ИНГА: Дядя Казик... Помните, я когда-то вас так называла?

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Как же, помню... А себя называла «Инь», не могла «Инга» выговорить. Ты и в семь лет была роковая женщина, а

теперь и вовсе — смотреть больно. Бедные мои глаза! Слепнут от такой красоты. *(Делает попытку дотянуться до фляги, но Инга не даёт. Дядя целует ей ручку, снова пробует цапнуть флягу, и опять безуспешно.)* Вся в маменьку! Та была крррасавица — сердце замирало. Да и сейчас ещё очень даже... *(Подмигивает Лидии Анатольевне и посылает ей воздушный поцелуй.)*

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Станислав! Огради меня от комплиментов этого фигляра!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Казимир! Я выставляю тебя за порог!

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: О! О! Уже вступил в права наследства! Ты родного брата ещё собаками затрави!

ИНГА: Дядя Казик, ну что вы! Поместье это теперь моё, а я вам всегда рада. Мы все родные, все друг друга любим. Но зачем вы дразните маму? *(Разворачивает веер наполовину, шутливо бьёт дядю чёрной стороной по плечу.)*

За окном близкий раскат грома, вспышка.

Казимир Борецкий вдруг хватается за горло, выпучивает глаза, из его груди вырывается хрип. Он падает. Инга пронзительно вскрикивает. К нему бросаются, поднимают. Слышен звон дверного колокольчика — никто не обращает внимания, кроме Фаддея. Он оборачивается на звук, выходит.

ДИКСОН: Похоже на удар!

Казимира Иосифовича относят и усаживают в кресло, находящееся в глубине сцены, у окна.

ДИКСОН *(проверяя пульс):* Oh my God... Мёртв!

Звучит МТЗ¹.

Лидия Анатольевна вскрикивает. Глаша с визгом отскакивает от мертвеца. Инга явно потрясена. Бросает веер на стол, присоединяется к остальным. Все суетятся, мечутся. Диксон и Ян склонились над умершим.

ЯН (*поднимает отцу веко*): Коллега, по-вашему, это insultus apoplecticus?

ДИКСОН: Judging by symptoms скорее, infarctus miocardе, коллега.

ЯН: Бедный старый шут...

ИНГА: Не сейчас, Ян! Хотя сейчас так не говори!

Входит Фаддей.

ФАДДЕЙ (*зычно*): Чиновник особых поручений при генерал-губернаторе господин Фандорин!

Не сговариваясь, все встают так, что заслоняют кресло с мертвецом, будто застигнутые на месте преступления, и разом поворачиваются к двери.

Вновь происходит подобие немой сцены.

3. Явление героя

Въезжает Фандорин на кресле-каталке. Он в чёрном сюртуке, цилиндре, одна нога закована в гипс.

ФАНДОРИН: Господа, прошу п-простить за опоздание.

Снимает цилиндр, передаёт Фаддею, слегка кланяется.

¹ Музыкальная тема злодейства — она звучит всякий раз, когда происходит преступление.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Ах да, инструкция! Последняя воля Сигизмунда!

В группе застывших движение.

СЛЮНЬКОВ: Эраст Петрович, что с вами? Мы ждали вас утром.

ФАНДОРИН: Я и приехал утром, московским поездом. Прошу извинить за вид. В дрожках переломилась ось. Кучер сильно расшибся. Я вот тоже п-пострадал, сломана нога. В больнице не нашлось костылей, только кресло на колесиках. Один лишь мой слуга остался невредим — прыгуч, как мячик. *(Оборачивается, повышает голос.)* Маса, доко да?

Входит Маса с саквояжем в руке. Он одет в смешанном европейско-японском стиле: например, чёрное кимоно в сочетании с шляпой-канотье.

МАСА *(ставя саквояж и церемонно кланяясь)*: Господа, добрый день.

ИНГА: Здравствуйте. Вы, должно быть, китаец?

МАСА *(Фандорину)*: Ано ката ва нани-о имасита ка?

ФАНДОРИН: Нет, сударыня. Маса — японец. Он не очень хорошо понимает по-русски. Ещё не выучился, но старается. Каждый день выписывает из словаря по двадцать русских слов, но пока дошёл только до б-буквы «Д».

МАСА: Доворьно дурацкая дорога. Борьшие буераки. Дрозьки дрянь. *(Снова кланяется. Косится на Глашу. Вдруг показывает фокус — хорошо бы, не такой, как в Белой версии.)*

ФАНДОРИН: Маса, ямэтэ окэ! Извините, господа. Маса в последнее время увлекается фокусами. *(Замечает веер на столе, подъезжает.)* Неве-

роятно! Всё-таки раздобыл! Настырный был господин — ох, ради бога, п-простите.

МАСА: Хо! Хонто дэсьта! Данна, инъё-но-сэн-су! *(Молитвенно складывает руки, кланяется ещё ниже.)*

В группе стоящих у кресла шевеление: пользуясь тем, что Фандорин и Маса поглощены созерцанием веера, они переглядываются, как бы безмолвно дискутируя, следует ли обратить внимание чиновника на мертвеца. Нотариус жестом показывает: не сейчас, позже.

СЛЮНЬКОВ: Господин Фандорин, покойный Сигизмунд Иосифович просил вас прибыть сюда в этот печальный день чтобы, так сказать, разрешить законное недоумение наследников относительно этого странного предмета.

ФАНДОРИН: Ах, вот оно что. А я, признаться, не мог понять... Мы ведь с господином Борецким почти незнакомы. Виделись всего однажды. Это было ровно год назад.

ЯН: Но год назад дядя был в Японии.

ФАНДОРИН *(всё ещё поглощённый созерцанием веера)*: Я, представьте, тоже. Служил в д-дипломатическом представительстве. Имел с господином Борецким один любопытнейший разговор. Кажется, он был коллекционером, причём из страстных?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: О да! Сигизмунд был большим оригиналом. Он нажил миллионы на железных дорогах, но столько тратил на свои причуды! Ещё неизвестно, много ли денег после него осталось.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ (*поспешно*): Разумеется, брат имел полное право распоряжаться капиталом по собственному усмотрению.

ЯН: Так что у вас с ним был за разговор?

ФАНДОРИН: В Иокогаму он приплыл из Китая. Долго искал там эту реликвию и выяснил, что она ещё триста лет назад попала в Японию, хранится в одном монастыре. Ко мне господин Борецкий обратился по совету нашего посланника. Видите ли, я в посольстве слыл совершенно объяпонившимся субъектом. У меня и в самом деле имелись обширные знакомства в т-туземных кругах. Знал я и настоятеля того монастыря. Меня поразила ажитация, в которой пребывал господин Борецкий. Когда он говорил о веере, у него дрожал голос. В Китае он приобрёл свиток — святыню, имеющую для монастыря огромную ценность. Господин Борецкий надеялся, что монахи согласятся обменять веер на свиток. Я написал отцу настоятелю рекомендательное письмо. Вижу, что обмен состоялся.

ЯН: Да что в этом веере такого ценного? Очень древний?

ФАНДОРИН: Да. Но дело не только в этом. Этот веер, видите ли, волшебный.

Звучит МТВ¹.

ИНГА: По какому-нибудь преданию, да?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Волшебный? В самом деле?

Все приближаются к столу.

¹ Музыкальная тема волшебства — она звучит всякий раз, когда действие принимает мистический оборот.

ФАНДОРИН: Да, сударыня. Разумеется, по преданию. Вы позволите? (*Осторожно берёт веер, разворачивает. Читает иероглиф с чёрной стороны.*) «Инь». (*Поворачивает белой стороной.*) «Ян».

Инга и Ян удивлённо переглядываются.

ЯН: Мы знакомы?

ИНГА: Откуда вы знаете моё детское прозвище?

СЛЮНЬКОВ: Ах, это моя вина. Господин Фандорин. Я должен был вас со всеми познакомить. Это Ян Казимирович Борецкий, племянник покойного. Веер завешан ему. Станислав Иосифович, брат покойного. Лидия Анатольевна, его супруга. Инга Станиславовна, их дочь. Мистер Диксон, Роберт Андреевич — домашний доктор. Там слуги: камердинер Фаддей, личный лакей... м-м-м... Аркадий. Это вот горничная... Как тебя, милая?

ГЛАША: Глаша.

Фандорин наклоняет голову, приветствуя каждого, в том числе и слуг.

СЛЮНЬКОВ (*неопределённо показав на кресло*): В кресле — другой брат покойного, Казимир Иосифович, собственно, тоже... Кхм, кхм... (*Закашливается. Станислав Иосифович и Лидия Анатольевна загораживают кресло от Фандорина.*)

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Ах, ну хватит представлений! Рассказывайте же! Что это за значки?

ФАНДОРИН (*взглянув на покойника и медленно, после паузы, кивнув*): Китайские иероглифы. «Ян» обозначает солнце, мужское начало и вообще всё светлое, созидательное и, так сказать, п-позитивное. Видите ли, у древних китайцев бытовало странное з-заблуждение, что всё добро происходит от мужчин, а всё зло от женщин.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Дикарство какое!

ФАНДОРИН: Совершенно с вами согласен, Лидия Анатольевна. А вот это (*переворачивает веер чёрной стороной*) — иероглиф «инь». Он обозначает луну, а вместе с нею женщину, то есть, по мнению китайцев, начало печальное и разрушительное. Всё в точности, как описывал господин Борецкий. (*Вертит веер то одной стороной, то другой.*) Согласно легенде, владелец этого магического п-предмета должен сделать выбор: повернуть веер вот так, Добром к себе, а Злом к внешнему миру. Или наоборот, Добром к внешнему миру, а Злом к себе. В первом случае твои желания исполнятся и твоё существование улучшится, но ухудшится окружающий мир. Во втором случае — мир изменится к лучшему, но за счёт того, что станет хуже тебе. Потому-то веер столько веков и хранился преимущественно в монастырях и у отшельников. Эти святые люди не боятся причинить себе зло — лишь бы мир стал лучше. Легенда гласит, что, когда веер попадал к человеку корыстному, тот достигал огромного богатства и славы, но в мире от этого происходили войны, эпидемии и стихийные бедствия. Такая вот с-сказка. Однако отец настоятель — человек современный и просвещённый, в сказки не верит. Должно быть, потому и согласился на обмен.

СЛЮНЬКОВ: Просто раскрыть и всё?

ФАНДОРИН: Нет. Нужно взмахнуть веером слева направо восемь раз, вот так. (*Показывает.*) Ах да, при этом ещё нужно восемь раз пропеть «Сутру Лотоса».

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: А что это за сутра? Какая-нибудь тайная?

ФАНДОРИН: Нет, в Японии её знает каждый ребенок. «Доверяюсь Сутре Благого Лотоса» — вот и вся сутра. По-японски она звучит так: «Нам-мёхо-рэнгэ-кё».

СЛЮНЬКОВ: Как-как? Помедленней, пожалуйста.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ (*доставая записную книжку*): Если можно, по буквам.

ФАНДОРИН: Нам-мёхо-рэнгэ-кё.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА (*с трудом*): Нам-мёхо-рэнгэ-кё.

ИНГА: Нам-мёхо-рэнгэ-кё.

ФАНДОРИН: Да, только нужно нараспев. Вот так. (*Машет веером, повернув его к окружающим «яном», и поёт.*) «Нам-мёхо-рэнгэ-кё. Нам-мёхо-рэнгэ-кё. (*Маса подхватывает, сложив ладони и раскачиваясь. Получается речитатив в два голоса.*) Нам-мёхо-рэнгэ-кё. Нам-мёхо-рэнгэ-кё. Нам-мёхо-рэнгэ-кё. Нам-мёхо-рэнгэ-кё...»

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Это уже шестой!

СЛЮНЬКОВ (*поспешно*): Довольно! (*Отбирает у Фандорина веер, складывает его и кладёт на стол.*)

ЯН: Сумасшедший дом.

ФАНДОРИН: Не беспокойтесь, господа. Чары действуют, только если эту м-манипуляцию производит «избранник веера», то есть его законный владелец. (*С улыбкой Яну.*) Полностью разделяю ваш нигилизм, господин студент. Всё это чушь. Трудно поверить, что Будда до такой степени чтит

институт частной собственности. В этой легенде вообще много нелепостей. Например, считается, что веер являет собой смертоносное оружие, и не только в руках законного владельца. Я вижу, Сигизмунд Борецкий отнёсся к этому всерьёз и принял меры предосторожности. (*Показывает на не-сгораемый ящик.*)

ЯН: И какая же, интересно, тут может быть опасность? Воспаление легких от чрезмерного махания?

ФАНДОРИН: Считается, что, если веер раскрыть до половины и шлёпнуть кого-нибудь белой стороной, этот человек помолодеет и поздоровеет. Если же ударить чёрной стороной, человек упадёт мёртвым.

Инга без единого звука падает на пол.

ЯН: Что... что с тобой?!

Все бросаются к упавшей.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Боже! Боже! Неужто... Опять?! Нет!

ДИКСОН (*он приставил к груди Инги стетоскоп*): Quiet, please... Обыкновенный обморок.

Даёт Инге нашатыря. Она открывает глаза.

ИНГА: Я шлёпнула его!

ЯН: Бредит.

ИНГА: Я шлёпнула его веером! Чёрной стороной!

ЯН: Чёрт, а ведь правда!

Особенно громкий удар грома. Гаснет свет.

Глаша визжит.

ГОЛОС ЛИДИИ АНАТОЛЬЕВНЫ: Господи, что это?!

ГОЛОС ЯНА: Перепад напряжения.

ГОЛОС СТАНИСЛАВА ИОСИФОВИЧА: Какого ещё напряжения? При чём здесь напряжение?

ГОЛОС ЯНА: Это электрический термин. Слишком близко ударила молния. Я схожу к электро-распределительному ящику, сейчас исправлю.

ГОЛОС ФАДДЕЯ: Господи, жили, горюшка не знали. Пойти, свечи принести.

ГОЛОС ФАНДОРИНА: Раз доктор курит, можно ли и мне?

ГОЛОС ЛИДИИ АНАТОЛЬЕВНЫ: Да-да, курите... Господи, как я боюсь темноты! Да ещё когда в комнате...

ГОЛОС СТАНИСЛАВА ИОСИФОВИЧА: Хм!

Вспыхивает спичка — это Эраст Петрович раскуривает сигару.

ФАНДОРИН (*видно часть его лица, подсвеченную огоньком сигары*): Я ответил на ваши вопросы. Теперь прошу ответить на мой. От чего умер г-господин, что сидит в кресле у окна?

ГОЛОС СЛЮНЬКОВА: Так вы заметили!

ФАНДОРИН: Разумеется.

ГОЛОС ИНГИ: Он умер оттого, что я шлёпнула его веером!

ГОЛОС ДИКСОНА: Nonsense! Уверяю вас, господин Фандорин, смерть произошла от инфарктус.

ФАНДОРИН: Вы совершенно в этом уверены?

ДОКТОР: Я тридцать лет практикую. Классический случай.

Входит Фаддей с канделябром в руке. Сразу вслед за этим вспыхивает свет.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Слава Бору!

ФАДДЕЙ: А пускай будет, так оно верней.

Несёт канделябр к столу.

ЯН: Ну вот, прогресс восторжествовал над тьмой.

ИНГА (*показывает на стол*): Веер! Господа, веер!

Веера на столе нет.

Все бросаются к столу. Одновременно кричат:

ДИКСОН: It's stolen!

ЯН: Чёрт!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Какой скандал!

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Мистика!

СЛЮНЬКОВ: Господа, моё ответственное хранение завершилось! Вы свидетели!

МАСА: Тикусё!

Глаша просто визжит.

ИНГА: Это нехорошо! Это стыдно! Отдайте веер! Он теперь принадлежит Яну! У него кроме этого веера ничего нет!

ЯН: Перестань! Разве тот, кто украл, вернёт?

ФАНДОРИН (*дождавшись, пока наступит тишина*): Господа, по роду служебной деятельности я представляю генерал-губернатора во всех важных делах, требующих вмешательства полиции. Здесь без расследования не обойтись. Скоропостижная смерть при с-странных обстоятельствах. Это раз. Похищение предмета, обладающего огромной ценностью. Это два. Необходимо вызвать исправника.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Зачем нам полиция? Произвести вскрытие (*кивает в сторону трупа*) и определить причину смерти может и доктор Диксон, а что до похищения, то ведь это совершенно семейное дело... Хотелось бы избежать огласки.

ЯН: А ещё больше хотелось бы найти веер, раз он такой уж ценный!

ИНГА: Да-да! Мы непременно должны его найти!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Разумеется, Ян, разумеется. Позволь мне договорить. Про господина Фандорина рассказывают истинные чудеса. Будто вы, Эраст Петрович, способны вмиг распутать самое хитроумное преступление.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Да! Вся Москва про это говорит!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Так, может быть, вы согласились бы нам помочь. Для сохранения репутации семьи... Я занимаю видную должность в попечительстве, и мне совершенно ни к чему... Может быть, вы сами проведёте это небольшое, так сказать, внутрисемейное расследование? Уверен, что при вашем аналитическом таланте, это большого труда не составит. А мы все будем оказывать вам содействие. Не правда ли?

Присутствующие, всяк по своему, выражают согласие.

ФАНДОРИН: Хорошо, господин Борецкий, я попробую. Раз уж я здесь оказался. Доктор, вы в самом деле можете произвести вскрытие?

ДИКСОН: Я единственный врач на вся округа. И зубы дергаю, и роды принимаю, иногда даже коровы лечу. А вскрытие по просьбе полиции делал много раз.

ФАНДОРИН (*показывает на флягу*): Что это?

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Коньяк.

ФАНДОРИН: Покойный отсюда пил?

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Да.

ДИКСОН: Вы хотите, чтобы я проверил contents?

ФАНДОРИН: Да. Если у вас есть необходимые реактивы.

ДИКСОН: Есть. Проверю. (*Кладёт флягу в карман. Обращается к слугам.*) Эй, несите его в чулан.

Фаддей и Аркаша несут тело через гостиную в правую часть сцены, закрытую занавесом. Все кроме Фандорина, Масы, Инги и Яна инстинктивно отворачиваются. Из кармана Казимира Борецкого выпадает сложенная бумажка. Фандорин подкапывается, подбирает её, рассеянно заглядывает и столь же небрежно кладёт себе в карман. Инга с Яном видят это, переглядываются, но ничего не говорят.

ФАНДОРИН: Господа, мне нужно будет поговорить с каждым наедине. Ян Казимирович, если позволите, я бы начал с вас. Только отдам кое-какие распоряжения слуге.

Жестом подзывает Масу, что-то ему говорит.

МАСА: Хай... Хай. Касикомаримасита.

Все кроме Фандорина и Яна выходят.

4. Доктор несколько ошибся

Фандорин и Ян.

ЯН: Ну, и объясните мне, пожалуйста, советник особенных поручений...

ФАНДОРИН: Особых.

ЯН: Неважно. Объясните мне, почему вы решили начать именно с меня? Я-то вне подозре-

ний, как лицо во всех смыслах пострадавшее. Лишился и единственного родителя, и единственной собственности.

ФАНДОРИН: Что-то не замечаю в вас большой скорби ни по одному из этих поводов.

ЯН: А её и нет. Папашу своего я вполне презирал. Бессмысленный, бесполезный для человечества субъект.

ФАНДОРИН: Для ч-человечества? Вы мыслите такими категориями?

ЯН: А есть какие-нибудь другие, из достойных внимания? По-моему так: или живи со смыслом и пользой, или не переводи зря кислород.

ФАНДОРИН: Вы сами, стало быть, переводите кислород не зря?

ЯН: Да уж я своё дело делаю лучше, чем вы ваше, господин аналитический талант. Какого чёрта вы отпустили эту публику? Нужно было устроить обыск. Наверняка мой веер у кого-то из них на пузе припрятан!

ФАНДОРИН: Обыск унизителен и для обыскиваемого, и для обыскивающего. Это раз. Для произведения обыска требуется санкция д-дознательного органа. Это два. К тому же похититель мог в темноте преспокойно вынести веер из гостиной и вернуться обратно. Это три.

Откуда-то доносится звук гитары, наигрывающей что-то томное.

ЯН: Ну и семейка! Кто стащил махалку? Нет, просто интересно! Дядя Станислав? Этому пауку мало движимого и недвижимого! Он у себя в присутствии взятки берёт, все знают! Доктор? Вряд

ли. Хотя чёрт их, англичан, знает. Денег они не украдут, потому что это не ком-иль-фо, а диковину могут, хоть бы из спортивного интереса. Нотариус? Нет, я знаю! Послушайте, особый чиновник, это тётушка! Ну конечно! Эта сорокаворовка тащит всё, что блестит. Волшебный веер, возвращающий молодость — это как раз в её духе! Поди, заперлась в комнате и колотит себя белой стороной по лбу. Да вы не улыбайтесь, я вам точно говорю! Идёмте, нагрянем к ней! Клянусь, возьмём с поличным! Я вас откачу!

Хватается за спинку каталки.

ФАНДОРИН: Б-благодарю, не стоит. Если вы правы и веер взяла ваша тётя, она его вернет — как только убедится, что никакого волшебства нет.

ЯН (*машет рукой*): Вы правы. Чёрт с ним, с веером! Подумаешь, тысяча рублей. Пустяки.

ФАНДОРИН: Вы так богаты?

ЯН: Нет, но скоро буду. Инга Станиславовна, которой досталось всё это (*обводит рукой комнату*) — моя невеста. Теперь-то я уж точно на ней женюсь. Девушка она славная, будет обо мне заботиться, да и приданое. С её миллионами я не то что бациллу Николайера, я и палочку Коха одолею!

ФАНДОРИН: Б-ациллу? Палочку? Я что-то не понимаю...

ЯН (*снижительно*): И не поймёте.

ФАНДОРИН: Вы сказали «тысяча рублей»? По-вашему веер стоит именно столько?

ЯН: Да, Диксон сказал, что есть дураки, готовые выложить за эту безделицу тысячу рублей.

ФАНДОРИН: Доктор несколько ошибся. Коллекционеры вроде вашего покойного дяди выложат за эту реликвию сотни тысяч, а то и миллион.

ЯН: Миллион!? Нет, правда? Чёрт! Тогда все равно у неё отобрать. Да если у меня будет свой миллион, зачем жениться? Ну, тётяшка, держитесь!

Выбегает из комнаты.

Занавес в левой половине закрывается, в правой открывается. Одновременно слышится пение.

5. Треугольник

Аркаша и Глаша.

АРКАША (*играет на гитаре и поёт*):

Когда бы был я мотылечек,
По небу бабочкой порхал,
Я полетел бы к вам, дружок,
И с вами счастья искал.

Я полетел бы, полетел бы,
Ах, моя девица-краса,
И прямо в фортку к вам влетел бы,
Присел на ваши волосы.

А вы, жестокая, зевая,
Чуть покривив свой чудный лик,
Меня прихлопнули б, не зная,
Кого сгубили в этот миг.

ГЛАША: И никогда бы я так с вами не поступила, Аркадий Фомич, а совсем напротив.

АРКАША (*перебирая струны*): Это же стихи-с, понимать нужно. Химера-с. В настоящей жизни, Глафира Родионовна, как бы я вам на волосы сел? У вас, пожалуй, и шея бы треснула.

ГЛАША (*прыснув*): Это правда, мужчина вы статный. Но ещё лучше внешности я ваши песни обожаю. Как это вы ловко стихи складаете! Мне про мотылёчка ужас как нравится!

АРКАША: Про мотылёчка это пустяки-с. Я вот вам про азиатскую любовь спою.

Играет на гитаре, готовясь петь. В это время справа из-за кулисы появляется Маса. Церемонно кланяется. Аркаша перестаёт играть.

ГЛАША (*шёпотом*): Глядите, японский китаец! Отчего у них глаза такие злые и узкие?

АРКАША (*громко*): Насчёт ихних глаз наука объясняет, что это они, азиаты-с, всю жизнь от своего коварства щурятся, так что со временем делаются вовсе не способны на людей честным манером-с глазеть. Ишь, как он на вас, Глафира Родионовна, уставился.

ГЛАША: Боюсь я его!

Прячется за Аркашу.

АРКАША: Со мною чего же вам страшиться-с? (*Масе.*) Ну, хóдя, чего тебе? Не видишь, мы с девицей беседу ведём?

Маса достаёт из кармана тетрадь с выписанными словами. Тетрадь представляет собой свиток рисовой бумаги (которую Маса в разных ситуациях использует по-разному: то напишет что-то, то оторвёт кусок и высморкается, и прочее). Маса быстро отматывает изрядное количество бумаги.

МАСА: Девицей, беседу, ведём. (*Кивает. Сматывает свиток обратно.*) Добрая девица, давай дружить. (*Показывает на гитару.*) Гитара. Дай. Будешь... будет... буду... буду громко горосить.

АРКАША: Чево?

ГЛАША: Голосить, говорит, буду. Это по-ихнему, должно быть, значит «петь желаю». Дайте ему гитару, Аркадий Фомич.

Маса с поклоном берёт гитару, садится на корточки, гитару кладёт на колени наподобие японского кото.

МАСА: Нани га ии ка на... (*Щиплет струны и громко поёт, зажмурив глаза.*)

Сакэ ва номэ, номэ, ному нараба!
Хи-но мото ити-но коно яри-о!
Номитору ходо-ни ному нараба,
Корэ дзо мо кото-но Курода-буси!

Номитору ходо-ни ному нараба,
Корэ дзо мо кото-но Курода-буси.
Корэ дзо мо кото-но Курода-буси!

Под пение Масы правая часть занавеса закрывается, левая открывается.

6. Милая девушка

Фандорин и Инга.

ИНГА: ...Он не странный. Он гений. Для Яна существует только наука. Я счастлива, что теперь смогу ему помочь! Я обеспечу его всем необходимым для спокойной работы. Он совершит вели-

кие открытия, а я всё время буду рядом с ним. Это, наверное, и есть счастье!

ФАНДОРИН: Вы п-полагаете?

ИНГА: Конечно. Знать, что ты кому-то очень-очень нужен, что этот человек без тебя не может жить. Да ещё какой человек! Он поступил в университет пятнадцати лет. Отучился три курса и бросил — говорит, жалко зря время тратить. Многим он кажется несносным. У него и правда ужасный характер. Сейчас иду к вам — слышу крик, стук. Это Ян ломится в комнату к маме. Вбил себе в голову, что веер у неё. Еле успокоила. Господин Фандорин, Эраст Петрович, помогите найти пропавшу! Для Яна это так важно! Он гордый, он не хочет, чтобы наш брак был мезальянсом. Если веер и в самом деле стоит так дорого, никто не скажет, что Ян женился на мне из-за денег.

ФАНДОРИН: Если веер найдётся, Ян Казимирович...

ИНГА: Что? Почему вы замолчали?

ФАНДОРИН: Нет, ничего. Вы, должно быть, очень любите своего жениха.

ИНГА: Не знаю. Я чувствую, что это мой долг... Как вам объяснить? В раннем детстве мы с Яном были неразлучны. Мне семь, ему шесть. Толстый, неуклюжий мальчик, которого всё время нужно было выручать из беды. То упадёт в колодец, то разворошит пчелиный улей... Потом наши родители поссорились, мы расстались на много лет. Но когда я увидела Яна вновь, я сразу почувствовала: это моя судьба. Я должна его оберегать, заботиться о нём. Он остался таким же недотёпой, даже хуже!

ФАНДОРИН: Ваши родители много лет были в ссоре? Из-за чего?

ИНГА: Я точно не знаю. Когда я была маленькой, дядя Казик часто у нас бывал. Ужасно, что из-за этого веера все как-то о нём забыли. Конечно, в последние годы он сильно опустился, стал нехорош. Но если б вы знали его прежде! Как заливисто он смеялся! Какие чудесные приносил подарки! Один раз принёс сиамского котенка... *(Всхлипывает.)* Как здесь душно...

ФАНДОРИН: Это из-за грозы. Хотите, я открою окно?

Делает попытку двинуться с места.

ИНГА: Нет, что вы. Я сама. *(Распахивает окно. Шум дождя слышнее. Отдалённый раскат грома.)* Как хорошо! Как свежо! ...О чём я говорила? Ах да, дядя Казик. Я не знаю, из-за чего они с папой поссорились. Снова стали видаться совсем недавно. Я дядю еле узнала. Облезлый, вечно пьяненький... Одной мне, наверное, только его и жалко... *(Спыхватывается.)* Это не оттого, что Ян жесток. Просто он гений, у гения не хватает времени на обычные человеческие чувства. Великая цель слепит ему глаза.

ФАНДОРИН: И какая же эта цель?

ИНГА: Победить столбнячную бациллу. Бациллу Николайера. Я теперь всё-всё про неё знаю. Хотите, расскажу?

ФАНДОРИН: Расскажите.

Звучит музыка, левая часть занавеса закрывается, правая открывается. Доносится смех Глаши.

7. Русско-японская война

Маса, Аркаша и Глаша.

ГЛАША (звонко смеясь и хлопая в ладоши): Ой! А ещё! Ещё! Масаил Иванович, ну пожалуйста!

Маса показывает фокусы. Снимает канотье, из-под шляпы вылетает облачко цветного дыма. Глаша восторженно визжит. Маса с невозмутимым видом показывает ей ладони, переворачивает их, снова показывает. В каждой руке по цветку.

ГЛАША: Лютики! Мерси!

Маса делает руками пассы и достаёт у Глаши из уха конфету. Церемонно поклонившись, вручает девушке.

ГЛАША: Шоколадная! Обожаю!

АРКАША (ревниво): Я вам, Глафира Родионовна, могу таких цельную коробку преподнести.

ГЛАША (хихикая): Коробка у меня в ухе не поместится.

АРКАША (Масе): А я вот в газете читал, будто японцы на деревьях проживают, навроде макак.

Маса вежливо кланяется.

АРКАША (показывает): Деревья. Ветки. Прыг-скок. (Смеётся.)

МАСА: Деревья, ветки — да. «Прыг-скок» — нет.

АРКАША: Сваливаетесь, что ли? Так хвостом цепляться надо. У вас косорылых непременно должен хвост быть. (Смеётся.)

ГЛАША: Аркадий Фомич, зачем вы их дразните?

МАСА: Нани-о иттеру ка на... Господин Арка-ся, давать вопрос.

АРКАША: Чево?

МАСА: Давать вопрос.

ГЛАША: Аркадий Фомич, вроде они вас спро-сить хотят.

АРКАША: Я по-мартышья понимать не обучен.

МАСА (*вежливо поклонившись*): Господин Ар-кася, вы готовить дрозьки?

АРКАША: Чево?

ГЛАША: Это он спросил, вы ли дрозьки гото-вили. (*Масе.*) Которые? На которых ваш барин расшибся? (*Показывает ногу в гипсе.*)

МАСА: Да, барин. Дрозьки дрянь.

ГЛАША: Аркадий Фомич дрозьки снаряжали. Они у нас по лошадям самые главные. Митяй-то одно прозвание что кучер. Дурачок совсем. И за-прячь толком не может.

АРКАША: Что вы врёте, Глафира Родионовна? Сам Митяй дрозьки готовил, мне недосуг было! Если б я, то всенепременно бы ось проверил!

ГЛАША: Да как же... (*Умолкает, напуганная вы-ражением лица Аркаши.*)

МАСА (*кивнув*): Дрозьки готовить господин Ар-кася.

АРКАША: Я тебя, макаку, сейчас назад на вет-ку загоню.

Засучивая рукава, идёт на Маса.

ГЛАША: Аркадий Фомич, грех вам! Вы ихнего вдвое здоровее!

Аркаша с размаху бьёт кулаком, Маса легко ухо-дит от удара. Происходит короткая драка, в ко-торой маленький японец при помощи джиуджицу

одерживает над верзилой-лакеем полную викторию. Драка сопровождается Глашиными взвизгами — вначале испуганными, потом восторженными. По-срамлённый Аркаша, вскочив, убегает. Под звуки японского императорского гимна занавес справа закрывается, слева открывается.

8. Семейная сцена

Фандорин и Лидия Анатольевна. В одном из открытых окон появилась тень — её видно, когда вспыхивает очередная зарница. Зрители эту тень или не заметят вовсе, или через некоторое время перестанут обращать на неё внимание, поскольку она неподвижна.

ФАНДОРИН: Лидия Анатольевна, и всё же: как вы относились к покойному Казимиру Борецкому?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Какое это имеет значение? Несносный, полусумасшедший был человек. И сын весь в него. Вы не представляете, какую он только что устроил мне сцену! Ну да ладно. Казимир умер, пускай теперь Бог будет ему судьёй.

ФАНДОРИН: Умер ли?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Простите?

ФАНДОРИН: Я хочу сказать: умер или убит?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Да что вы такое говорите?!

ФАНДОРИН: Согласитесь, обстоятельства его кончины необычны. Скоропостижная смерть сра-

зу после оглашения завещания всегда выглядит подозрительно. Особенно, если учитывать последующую кражу веера.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Да он умер у нас на глазах! Выпил коньяку, или что там у него было, сказал какую-то очередную пошлость и упал! Его не зарезали, не застрелили!

ФАНДОРИН: Быть может, отравили?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Какая нелепость! Зачем? Кому нужно убивать жалкого, спившегося голодранца?

ФАНДОРИН: Г-голодранца? А кучер, который так неудачно вёз меня со станции, рассказывал, что Казимир Борецкий прикатил первым классом и в вагоне его сопровождал цыганский хор.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Старый кутила! Он, кажется, говорил, что занял пять тысяч.

ФАНДОРИН: Да кто бы одолжил такому человеку целых пять тысяч без верных гарантий?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА (*смешавшись*): Откуда же... откуда же мне знать!

ФАНДОРИН: Разумеется. Тогда позвольте о другом. Мне известно, что много лет назад между вашим мужем и Казимиром Борецким произошёл разрыв. Из-за чего?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Я... Право, не помню... Это было так давно...

ФАНДОРИН: Правда ли, что ваш деверь в своё время был привлекательным мужчиной?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Не в моём вкусе... Слишком вульгарен.

ФАНДОРИН: Да? У него из кармана выпала записка. *(Достаёт записку, читает.)* «Вот твои пять тысяч. Больше ты от меня ничего не получишь. Если не оставишь меня в покое, клянусь, я убью тебя!» Подписи нет. Почерк женский. Он вам не знаком? *(Показывает ей записку.)*

Лидия Анатольевна вскрикивает, закрывает лицо руками.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Я дура! Дура! Я была не в себе! Нужно было просто отправить деньги, и всё!

ФАНДОРИН: Чем он вас шантажировал? Препней связью?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Да! Станислав чудовищно ревнив. Он когда-то отказал брату от дома, ему померещилось, будто Казимир за мной ухаживает. О, если бы он узнал, что дело не ограничилось одними ухаживаниями... С годами гордость развилась в нём до астрономических размеров. Во всяком пустяке он видит ущемление своей чести! И Казимир отлично этим воспользовался. Этот негодяй был по-своему очень даже неглуп. И ещё эта злосчастная записка! Хотела припугнуть, а вместо этого дала ему в руки ужасную улику. *(Падает на колени, кричит.)* Господин Фандорин, заклинаю вас! Не говорите Станиславу! Для него это будет страшным ударом. Он так презирал своего брата!

Убегает Станислав Иосифович.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Лидия! Что такое? Почему ты кричишь? Почему стоишь на ко-

ленях? (*Поражённый, пятится и машет рукой.*)
Нет! Нет! Неужели... Это ты? Ты его..? Коньяком, да? Коньяком?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА (*вскочив*): Как ты... как ты можешь? Эраст Петрович, я не...

ФАНДОРИН (*остановив ее жестом, быстро*): Почему вы допускаете, что ваша жена могла отравить Казимира Борецкого?

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ (*не слушая Фандорина*): Лида, я восхищаюсь тобой!

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Так ты обо всём знал? Все эти годы?

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Нет, я узнал недавно. Месяц назад обнаружил в твоём ридикюле записку, в которой он напоминал тебе о «прошлом безумии» и просил о встрече. Я был сражён! Я... столько вынес! Моя жена! С этим гнусным сатиром! С этим ничтожеством! Какого труда мне стоило не подать вида! Я знал, что расквитаться с вами обоими, но не мог придумать, как именно. Но теперь я всё, всё тебе прошу! Ты испустила свою вину!

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Мерзавец! Я боялась, я давала ему деньги! Только бы уберечь тебя от удара! А ты в это время думал, как бы мне отомстить!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Как деньги? Какие деньги ты ему давала?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Негодай! Ты и теперь хочешь меня погубить! Не слушайте его! Эраст Петрович, клянусь, я не убивала Казимира!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Ты давала ему мои деньги? Ах, впрочем, какое это теперь имеет значение! Милая, не отпирайся. Это произведёт плохое впечатление на присяжных. Я найму лучшего адвоката! Спасовича или самого Плевако! У нас теперь довольно для этого средств! Весь зал будет рыдать, тебе вынесут самый мягкий приговор! Или вовсе оправдают.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: А ты со мной разведёшься на законном основании, как с неверной супругой? Оставишь меня без копейки, обеспечишь Ингу и будешь проживать наследство один? Ах! Я всё поняла! Господин Фандорин! Я поняла! Этот человек чудовище! Казимир был в тысячу раз лучше тебя! По крайней мере он был живой, а ты мумия, засушенная мумия! И притом мумия подлая! Это он, он отравил Казимира, а не я! Месяц думал, как отомстить, и придумал! Брата убить, а вину свалить на меня! Одним ударом двух зайцев!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Ну уж... Ну уж это я не знаю, что такое! Эраст Петрович, вот уж воистину с больной головы на здоровую!

Занавес начинает закрываться и свет меркнуть ещё на предыдущей реплике Лидии Анатольевны. Завершается сцена под истерический хохот Борецкой, повторяющей «Мерзавец! Мерзавец! Мерзавец!»

9. От «А» до «Д»

Маса и Глаша сидят на скамейке.

ГЛАША: Масаил Иванович, а у вас в Японии девушки красивые?

МАСА: Абсолютно. *(Придвигается ближе.)*

ГЛАША *(отодвигаясь, но совсем чуть-чуть)*: А больше чернявых или светленьких? Ну, блондинок или брюнеток?

МАСА: Брюнетки борсье. *(Снова придвигается. Наклоняется к Глашиным волосам, шумно тягивает носом воздух.)* Божественный аромат.

ГЛАША *(смущаясь)*: Как вы красиво говорите. Ещё красивше, чем Аркаша...

МАСА: Горова гореть. *(Показывает на голову.)* Грудь бореть. *(Кладёт руку на сердце.)*

ГЛАША: Правда?

МАСА *(заглядывает ей в лицо)*: Граз горубой. *(Целует.)* Губы горячий.

ГЛАША: Быстрый какой! *(Слегка отталкивает его рукой, но тут же гладит по стриженной ёжиком голове.)* Это у вас такие куафюры носят? Щекотная!

МАСА: Бобриск.

Наклонив голову, щекочет Глаше нос. Она хохочет. Воспользовавшись этим, Маса обнимает её.

Входит Фаддей. Глаша, ойкнув, вскакивает и убегает.

ФАДДЕЙ: Шалапутка.

МАСА (*несколько не смутившись, встаёт и степенно кланяется*): Фаддэй-сан. Добрый вечер.

ФАДДЕЙ: И вам того же. (*Садится на скамейку. Некоторое время оба молчат.*) Охо-хо.

МАСА (*со вздохом*): Нэ.

ФАДДЕЙ: Вот и я говорю. Один брат помер, за ним второй. Я их обоих годков на двадцать постарее буду, а всё живу, не призывает Господь. У вас-то в Азии как? Если господин помер?

МАСА (*показывает, будто крест-накрест взрезает себе живот*): Сэппуку. Харакири.

ФАДДЕЙ: Во-во. Без ножа зарезали. Вся имуществы ныне Инге Станиславовне отписана. Ладно. А я-то как? Мне-то куда? Оставят тут жить-ствовать или попросят со двора?

МАСА (*качает головой*): Беда.

ФАДДЕЙ: То-то что беда.

Молчат, вздыхая.

МАСА: Доктор Диксон давно?

ФАДДЕЙ: Что давно?

МАСА (*показывая вокруг*): Дома давно?

ФАДДЕЙ: У нас, что ли? Месяца три. (*Показывает три пальца.*) Барин как стал болеть, пожал доктору, и чтоб непременно англичанина, к нашим доверия не имел. Дал объявление в газету, ну этот и явился. Понимаете?

МАСА (*кивает*): Да. Англичанин, газета. (*Немного подумав.*) Добрый доктор?

ФАДДЕЙ: Кто его знает. Чужая душа потёмки.

МАСА (*недовольно потрянув головой*): Доктор — дока? Доктор — дрянь?

ФАДДЕЙ: А, хороший ли он доктор? Да чего ж хорошего, если барин помер. С евоными английскими лекарствами совсем расхворался, да и помер.

Маса достаёт свой свиток, смотрит в него.

МАСА (резюмируя): Доктор дусегуб. (Встаёт, кланяется.) До свидания, Фаддэй-сан. Говорить господин.

Поворачивается, входит в левую половину сцены, свет за ним медленно гаснет. Фаддэй тарашится японцу вслед.

10. Окно

Открывается левая часть сцены. У стола Фандорин и Диксон. Справа входит Маса, видит доктора, замирает в нерешительности, потом достаёт свой свиток, тушечницу, кисть и быстро пишет сверху вниз, постепенно разматывая свиток.

ДИКСОН (он то ли нетрезв, то ли не в себе, то ли и то, и другое): ...Я сделал autopsy. It's a real mystery! Пилил gib sage (Что не может объяснить по-русски, показывает жестами.) Не инфарктус! Пилил cranium. Не инсультус! Причина смерти не обнаружена! Он просто упал и умер! Совершенно здоровый человек!

ФАНДОРИН: Я просил также исследовать содержимое фляги. На п-предмет яда. Исследовали?

ДИКСОН (икнув): Какой яд? Нет там никакой яд!

ФАНДОРИН: Вы провели анализ или нет?

ДИКСОН: Да-да, провёл. Обыкновенный брeн-ди. Не очень хороший, но крепкий.

ФАНДОРИН: Крепкий? Откуда вы знаете?

ДИКСОН: Попробовал. Когда увидел, что яда нет.

Маса отрывает часть свитка, с поклоном подаёт Фандорину, тот читает.

ФАНДОРИН: А, соо ка... *(Кивает Маса, тот выходит.)* Значит, яда нет? Верните-ка флягу. *(Доктор не реагирует, он в прoстрaции).* Что смотрите? Или вы её по случайности разбили?

ДИКСОН: Что? А, фляга... Нет, вот она. *(Достаёт из кармана флягу. Она наполовину пуста.)* Но яда там нет. Хотите докажу? *(Запрокинув голову, выпивает коньяк, переворачивает флягу, показывая, что она пуста.)* Вот. Как видите, я жив.

Фандорин приподнялся было, чтобы помешать доктору, но не дотянулся и, поморщившись от боли, сел обратно в каталку.

ФАНДОРИН: Остроумно избавились от улики. Б-браво. Вылили содержимое, промыли, налили обыкновенного коньяку. Только это вам не поможет. Полицейский врач изучит содержимое желудка покойного, и если найдёт яд, вам не отвертеться.

ДИКСОН *(он пьянеет на глазах)*: Зачем мне вертеться? Я не буду вертеться. Желудок у покойника тоже здоровый, I am absolutely sure... *(Вдруг всхлипывает.)* Oh my God! Oh my God! *(Хватается за голову.)*

ФАНДОРИН (*подкатываясь ближе*): А ещё я велю произвести эксгумацию тела вашего покойного пациента. Мы п-проверим, что вы прописывали больному, как его лечили, совпадает ли истинная причина смерти с той, которую вы указали в заключении.

ДИКСОН (*пятясь*): Совпадает, не совпадает — теперь это всё равно. Как вы не понимаете? Человек просто упал и умер! Without any reason! Это... Это... Дважды два не четыре. Земля не круглая. Понимаете? О, вы ничего не понимаете! И я раньше не понимал. (*Его начинает бить дрожь, клцают зубы.*) Мне страшно! Я уйду с ума! (*Бросается к Фандорину.*) Я всё вам расскажу! Всю правду! Не надо эксгумация, я и так расскажу...

ФАНДОРИН: Рассказывайте. С самого начала. Итак (*заглядывает в бумагу*), три месяца назад вы прочитали в газете объявление, что требуется доктор-англичанин...

ДИКСОН: Нет! Я не читал. В яме нет газет!

ФАНДОРИН: Г-где?

ДИКСОН: Яма. Долговой яма. Я там сидел... Да-да, с самого начала. (*Он пытается взять себя в руки: распрямляется, делает несколько шагов назад, оказавшись перед самым окном. Откашливается.*) Понимаете, я не очень хороший врач. В Англия у меня была одна история... Мой пациент умер. И я уехал в Россию. Но здесь тоже... Во время operation случилось несчастье. Моя ошибка. Я виноват. Вдова подала суд. Был большой штраф. Я брал долг у рос-тов-щик. Не мог отдавать, и

тогда сидел долговая яма... Жизнь кончена. Нет денег, no reputation, no future... И вдруг...

ФАНДОРИН: Что?

ДИКСОН: Говорят: «К вам пришли».

ФАНДОРИН: Кто? Кто пришёл?

В окне яркая вспышка молнии, гром. Диксон оборачивается и вскрикивает. В ярко освещённом прямоугольнике окна виден силуэт — человек в остроконечном капюшоне. Ещё одна вспышка, снова грохот — это выстрел почти в упор. Диксон падает. Силуэт исчезает.

ФАНДОРИН: Стой!

Вскакивает с кресла, делает шаг. Наступив на сломанную ногу, со стоном падает.

Разряд грома, яркая молния. Свет гаснет.

Занавес.

Конец первого действия.

Второе действие

1. Все мокрые

Сначала слышен шум дождя и перекаты грома, потом открывается занавес.

В гостиной Фандорин и Фаддей. Первый сидит в каталке, второй поправляет простыню, которой накрыт лежащий у окна труп.

Входит нотариус. Он в халате и шлёпанцах.

СЛЮНЬКОВ: В чём дело? Зачем ваш японец меня поднял с постели? Я спал!

ФАНДОРИН: Разве вы не слышали выстрел?

СЛЮНЬКОВ: Я слышал раскаты грома. А что, кто-то стрелял?

Входит Инга. Она в пеньюаре. Волосы замотаны полотенцем.

ИНГА: Господи, что ещё стряслось?

ФАНДОРИН: Чрезвычайное событие. У вас... м-мокрые волосы?

ИНГА: Да, помыла перед сном.

Входит Ян в блестящей от воды крылатке.

ЯН: Какого чёрта! Ваш японец оторвал меня от важного эксперимента! Хоть ночью-то можно спокойно поработать!

ФАНДОРИН: Под дождём?

ЯН: Почему под дождём? А, вы про плащ. Я устроил лабораторию во флигеле. Это там, через двор.

Входят супруги Борецкие. За ними Маса, встаёт у дверей, сложив руки на груди.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Это совершенно невыносимо! Когда закончится этот кошмар? Инга, что это такое? Немедленно иди в свою комнату и не возвращайся, пока не приведёшь себя в надлежащий вид!

ФАНДОРИН: У вас обоих мокрые туфли. Могу я узнать, почему?

Супруги переглядываются, молчат.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ (*отведя Фандорина в сторону, вполголоса*): Эраст Петрович, у Лидочки была истерика. Она выбежала в сад, под дождь. Я за ней, с зонтом. Насилу уговорил вернуться... Только начала успокаиваться, и тут ваш азиат. «Давай гостиная, быстро!» Ей-богу, можно бы и поделикатней...

Ян и Инга тоже отходят в сторону.

ИНГА: Мама права... Слуга Эраста Петровича чуть не выволок меня из комнаты. Не смотри на меня. Я в таком виде.

ЯН (*рассеянно*): В каком виде?

ИНГА (*показывая на полотенце*): Ну вот это...

ЯН: Ах, ради Бога, что за ерунда! У меня вакцина разложилась! Три кролика исдохли. Осталась одна крольчиха, последняя!

ИНГА: Господи, ты хоть что-нибудь замечаешь кроме своих кроликов?

ЯН (*застыв, глядит поверх её плеча и показывает на лежащее тело*): Да... Например, вот это.

Инга оборачивается и вскрикивает.

Слюньков, стоящий ближе всех к телу, тоже оборачивается и шарахается в сторону.

Лидия Анатольевна ахает.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Зачем вы велели снова перенести сюда Казимира?

ФАНДОРИН: Это не Казимир Иосифович. Это мистер Д-Диксон.

ЯН: Англичанин?!

Всеобщее замешательство.

ФАНДОРИН: Да. Кто-то выстрелил в него вот из этого окна. Сломанная нога не позволила мне преследовать убийцу.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Боже, Станислав, увези меня отсюда! В усадьбе убийца!

ФАНДОРИН: Я бы выразился точнее.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Как?

ФАНДОРИН: Убийца в этой к-комнате.

Полная тишина.

Присутствующие пугливо оглядываются, будто в комнате может прятаться кто-то ещё. Потом смысл сказанного до них доходит, и они с ужасом смотрят друг на друга.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Позвольте, но кроме нас в доме есть и слуги!

Из-за левой кулисы высовывается голова Аркаши — оказывается, он подслушивает.

ФАНДОРИН: Разумеется. Это только в британских уголовных романах слуга не может быть убийцей, поскольку он не д-джентльмен. Мы же, слава Богу, в России живём, у нас слуги тоже люди.... Прислугой занимается мой помощник.

ИНГА: Зачем ...этому человеку понадобилось убивать доктора? Кому мог помешать мистер Диксон?

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Что за глупый вопрос! Среди нас опасный безумец, маньяк! (*Косится на Яна, который сосредоточенно возится со шприцем.*) Лидочка, ты права. Мы немедленно уезжаем.

СЛЮНЬКОВ (*подойдя к Яну, вполголоса*): Ян Казимирович, прошу извинить, что в такую минуту... Но мне тоже хотелось бы поскорее отсюда уехать. Вы вступаете в права наследства. Не желаете ли воспользоваться услугами нашей фирмы?

ЯН: У меня ничего нет кроме этого чёртова веера, да и тот теперь ищи-свищи!

СЛЮНЬКОВ: Фирма «Слюньков и Слюньков» ведёт самые запутанные дела, в том числе и по розыску утраченного наследства... Искать буду не по-казённому (*кивает в сторону Фандорина*), а со всем пылом души. Как лицо равнодушное и рассчитывающее на справедливое вознаграждение. Вам только нужно подписать поручение, что я уполномочен вами на розыск. Я и бумажечку подготовил... (*Достаёт из кармана халата листок. Обмакивает ручку в стоящую на столе чернильницу.*) Не угодно ли?

ЯН: Отстаньте. Не до вас!

СЛЮНЬКОВ: При розыске имущества берём комиссионные, но самые умеренные...

ЯН: Иммуитет, как создать иммуитет? (*Слюнькову.*) Что? А, веер... Ладно, давайте. Какая разница? (*Подписывает поручение, едва в него заглянув.*)

СЛЮНЬКОВ: Благодарю. Не пожалеете. А веер я вам всенепременно разыщу.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Инга, мы уезжаем.

ИНГА: Да как же я уеду? Это теперь мой дом! Это у меня в доме случилось две смерти. Это у меня в доме обокрали Яна, похитили веер ценою в миллион!

ФАНДОРИН: Миллион вору не достанется. Коллекционеров, готовых выложить за веер такие деньги, в мире по пальцам пересчитать, и каждый будет предупреждён полицией.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Я уверена, что веер украли не для продажи. Зачем его продавать, если он волшебный? Махнёшь восемь раз, пропоёшь «Намме» (*достаёт бумажку, читает*): «Нам-мёхорэнгекё», и будет у тебя не миллион, а все сокровища земли.

ФАНДОРИН: Про волшебство — разумеется, чушь, сказки. Это раз. Если же похититель верит в мистику, ему следует помнить, что веер выполняет лишь волю законного владельца. Это два. А ещё есть три — некое д-дополнительное условие...

СЛЮНЬКОВ: Какое ещё «три»?

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Что за условие? Вы про него прежде не говорили.

ФАНДОРИН: Я не сказал про Шлем Дао? Что-то отвлекло... Это средневековый шлем особенной формы, предмет редкий, но всё же его можно увидеть в некоторых музеях и частных коллекциях. Считается, что шлем защищает от обоих начал — и от чрезмерного жара Ян, и от чрезмер-

ного холода Инь. Любые волшебные м-манипуляции, согласно китайским поверьям, полагается совершать, защитив голову Шлемом Дао. Я говорил об этом покойному Сигизмунду Иосифовичу во время нашей японской встречи.

ЯН: О чём мы говорим? Какой-то бред!

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Шлем, защищающий и от Зла, и от Добра! Как это тонко, как это по-китайски!

ФАДДЕЙ: Прощения просим. Это часом не такой железный горшок с рогами, навроде как у жука?

ФАНДОРИН: Да. И с маленьким зеркалом вот здесь. (*Показывает на лоб.*) А почему вы спрашиваете?

ФАДДЕЙ: Так есть такой. В ермитаже, в стеклянном коробе прибрatый. Барин завсегда сам с его пыль протирали, слуг ни-ни, не подпущали.

Возгласы удивления.

ФАНДОРИН: Эрмитаж? Что это?

ИНГА: Павильон. В саду. Там хранится дядина коллекция.

ФАНДОРИН: Значит, Шлем Дао у Борецкого уже был... Вот почему он не проявил интереса к моему рассказу. Хм, любопытно, что завешание разъединяет веер и шлем, отдавая их двум разным наследникам. Сдаётся мне, что Сигизмунд Иосифович не очень-то хотел, чтобы веер явил свои чары...

ИНГА (*берёт Яна за руку, вполголоса*): Завешание разъединяет, а мы объединим, правда?

ЯН: Дребедень. Белиберда. А ты всерьёз слушаешь... У меня беда, я в тупике. Неужели мне не одолеть проклятого Николайера? *Возбуждённо.* Разве что попробовать капроновой кислотой? Да-да, непременно капроновой!

Порывисто бежит к двери, Маса преграждает ему путь.

ФАНДОРИН: Ян Казимирович, господа! В связи с произошедшим здесь убийством я вынужден поместить всех и каждого под д-домашний арест. Никто никуда не уйдёт и не уедет. Все должны находиться у себя в комнате вплоть до приезда полиции. За исправником уже послано.

ЯН: Лаборатория — это и есть моя комната.

Супруги Борецкие и Слюньков возмущённо шумят («По какому, собственно праву!» «Я не останусь в этом ужасном доме ни на одну минуту!» «Но у меня срочные дела в городе!»). Инга молча смотрит на Фандорина.

ФАНДОРИН (*веско*): Никто — никуда — не уедет.

Занавес закрывается.

2. Возвращённая молодость

В Эрмитаже. Большая неосвещённая комната, в которой размещена коллекция покойного хозяина усадьбы: восточные изваяния, огромный позолоченный Будда, самурайские доспехи и прочее. Посередине комнаты, на столике, стеклянный куб, в котором на подставке рогатый шлем. Раскаты гро-

ма стали глуше, но по-прежнему шумит дождь, а за большими окнами то и дело, с интервалом в несколько секунд, вспыхивают яркие зарницы — они-то и позволяют разглядеть интерьер.

Скрип двери. Появляется фигура в длинном плаще с капюшоном — тот же силуэт, что зрители видели за окном гостиной. Незвестный зажигает большой фонарь, шарит по комнате лучом, который выхватывает из темноты те или иные предметы, причём некоторые довольно зловещего вида. Наконец, луч утыкается в шлем и больше с него уже не сходит.

Незвестный снимает стеклянный колпак, берёт шлем (должно быть видно руки, но не голову: для этого фонарь ставится на стол так, чтобы шлем был в луче), снимает капюшон, осторожно надевает на себя. Потом достаёт из кармана что-то узкое, длинное. Разворачивает. Это веер.

Вспыхивает свет. Из-за Будды выезжает Фандорин. С двух сторон выходят Маса и Фаддей.

ФАНДОРИН (выставив вперёд палец наподобие пистолета): Ни с места! Обернётесь — стреляю!

Человек в шлеме стоит спиной к Фандорину и к залу. Веер он выронил, руки поднял.

ФАНДОРИН: Маса, дзю-о тоттэ кои.

Маса подходит, общаривает неизвестного. Достает и показывает Фандорину платок, потом какой-то футляр, потом сложенный листок.

МАСА: Корэ дакэ дэс.

ФАНДОРИН: А теперь повернитесь.

Человек медленно оборачивается. Это Слюньков в рогатом шлеме. Он изумлённо смотрит на выставленный палец Фандорина.

ФАНДОРИН: Ба-а, господин нотариус! Что смотрите? Да, оружия у меня нет. Ничего удивительного. Вот уж не думал, что поездка за город окажется опасной. Удивительно другое. Где ваш-то п-пистолет?

СЛЮНЬКОВ (*дрожащим голосом и тоже заикаясь*): Какой п-пистолет?

ФАНДОРИН: Тот, из которого вы стреляли в мистера Диксона.

СЛЮНЬКОВ: Я ни в кого не стрелял! Я вообще стрелять не умею!

ФАНДОРИН: Отпираться бессмысленно. Вы взяты с п-поличным. Да и капюшон я узнал.

СЛЮНЬКОВ: Я взял этот п-плащ в п-прихожей! Во дворе такой ливень!

ФАНДОРИН: Может быть, веер вы тоже взяли в прихожей? Благодарю вас, Фаддей Поликарпович, вы превосходно сыграли свою роль. Бедный доверчивый г-господин Слюньков. Прошлем я выдумал, чтоб поймать преступника на живца. Видели бы вы себя со стороны.

Маса подаёт Фандорину вещи, изъятые у нотариуса. Фандорин открывает футляр, в нём очки. Листок разворачивает, читает.

ФАНДОРИН: Очень интересно. «Я, Ян Казимирович Борецкий, доверяю поверенному Степану Степановичу Слюнькову вести дело о наследстве, причитающемся мне по смерти моего отца, а в вознаграждение передаю вышеуказанному С.С.Слюнькову веер, ранее принадлежавший моему дяде Сигизмунду Иосифовичу Борецкому и отныне становящийся законной собственностью

С.С.Слюнькова. Подпись: Ян Борецкий». Тут и число есть. Сегодняшнее. Какой щедрый подарок. В награду за ведение дела о наследстве отдать нотариусу всё наследство ц-целиком...

СЛЮНЬКОВ: Умоляю вас, не нужно иронии! Я вор, но не убийца. Клянусь вам! Да и вором стал только сегодня. Всю жизнь честно... тридцать лет поверенным... Бес попутал... Не погубите, господин Фандорин! Если откроется, это позор, суд, разорение! Только останется, что в петлю! У меня жена молодая! Я так её люблю! И дети, от прежнего брака. Четверо! Бесовское наваждение! Не устоял!

Простирает к Фандорину руки.

ФАНДОРИН: Зачем вы украли веер? Захотели богатства и славы?

СЛЮНЬКОВ: И молодости! Главное — молодости! Моей Сонечке ещё нет тридцати, я стар для неё. У меня радикулит, я еле хожу, а она красива, полна сил. Ну что вы так на меня смотрите? Я ведь тоже человек, а не параграф. Мне хочется счастья... Я всегда был практиком, в облаках не витал, но как трудно, как трудно жить в мире, где не бывает чудес! Твердишь себе год за годом: нет никаких чудес, есть только завешания, векселя, выкупные обязательства. И вдруг — веер. Ведь жизнь уходит. Вы молодой, вам не понять. Однажды очнёшься, а тебе пятьдесят. И думаешь: что — это всё? Дальше только сахарная болезнь, поездки на воды, старость и смерть? Когда вы рассказали про Инь и Ян, у меня будто лопнуло что-то в голове... какая-то струна обо-

рвалась. Потом вдруг молния, кромешная тьма. Клянусь, руки сами схватили веер и сунули под сюртук. Я так испугался! А когда зажёгся свет, отдавать веер было уже поздно...

ФАНДОРИН: Ну да. Оставалось только под шумок подсунуть Яну Казимировичу фальшивую дарственную. Дарственная-то вам зачем?

СЛЮНЬКОВ: Ну как же! Вы сами говорили — веер исполняет желания только законного владельца.

ФАНДОРИН: Думали бумажкой Будду обмануть? Сразу видно нотариуса. Маса, сэнсү-о. (*Маса поднимает веер, протягивает.*) Ну что ж, попробуйте, помашите. Слова молитвы помните?

СЛЮНЬКОВ: Всё время их твержу... Вы... вы в самом деле... позволите?

Фандорин жалостливо кивает. Они с Масой, переглянувшись, наблюдают.

Слюньков роняет веер на пол — так дрожат руки. Быстро поднимает, раскрывает.

СЛЮНЬКОВ: Голова кружится... В глазах темно... Господи Иисусе... (*Испуганно.*) Нет-нет, не «Иисусе»! (*Разворачивает веер сначала белой стороной наружу.*) Для мира хорошо — вот так. (*Переворачивает.*) Для себя хорошо — вот этак. Не смотрите на меня так, я не святой, а самый обычный человек... Мир большой, если ему станет немножко хуже, он и не заметит... Хочу стать молодым, здоровым, красивым. И ещё богатым. И чтоб Сонечка меня обожала! (*Крестится. Поёт, качая в такт веером.*) «Нам-мёхо рэнгэ-кё. Нам-мёхо рэнгэ-кё. Нам-мёхо рэнгэ-кё. Нам-мёхо рэнгэ-кё.

Нам-мёхо рэнгэ-кё. Нам-мёхо рэнгэ-кё. Нам-мёхо рэнгэ-кё. Нам-мёхо рэнгэ-кё».

Пауза. Слюньков уперевшись рукой в поясницу, потягивается. Вскрикивает от боли.

СЛЮНЬКОВ: Ничего! Ничего! Всё, как было! Тот же старый хрыч...

ФАНДОРИН: Стыдно, право. Девятнадцатый век на исходе, а вы в сказки верите... Что же мне с вами делать? Ладно. *(Рвёт листок в клочки.)* Отнесите веер наследнику. Скажите, что нашли. А от вознаграждения отказывайтесь. Наплетите что-нибудь. Да Ян Казимирович и не будет приставать с расспросами, не того сорта человек.

СЛЮНЬКОВ *(понуру)*: Благодарю... Вы великодушный человек. Господи, в самом деле, как стыдно...

ФАНДОРИН: Маса, каэро.

Маса укатывает Фандорина, остаются Фаддей и нотариус.

ФАДДЕЙ *(подбирая клочки)*: Ох, сударь, всё зло от бабья. Что на молодой-то жениться? Сиди-на в бороду, а бес в ребро.

СЛЮНЬКОВ *(разглядывая веер)*: Позор, позор... На старости лет такой срам... Воровство, подложное поручение... Погодите, погодите! Как ты думаешь, Фаддей, может, из-за этого и не вышло, а?

ФАДДЕЙ: Из-за чегой-то из-за этого?

СЛЮНЬКОВ: Да из-за того, что я нечестным образом веер присвоил, без ведома и согласия владельца. Будде это не понравилось.

ФАДДЕЙ: Такое кому ж понравится.

СЛЮНЬКОВ: Хорошо, большого чуда нельзя, но, может, получится маленькое. Если наполовину развернуть, да белой стороной стукнуть, может, хоть радикулит пройдет?

ФАДДЕЙ: Навряд ли. Хотя, конечно, всяко бывает.

СЛЮНЬКОВ (*вертит веер*): Чёрной нельзя, от этого помереть можно. Фаддей, я стукну, а?

ФАДДЕЙ: Да стучите, коли вам охота, только не со всей силы. Вещь ветхая, и так вон изорвали всю, роняючи.

Нотариус полуразворачивает веер, бьёт себя по шлему, потом ещё и ещё.

ФАДДЕЙ: Ну чего?

Нотариус прислушивается к себе. Осторожно разгибается. Потом вдруг резко наклоняется вперёд.

СЛЮНЬКОВ: Что-то странное... Совсем не больно! И тело какое-то... Словно звенит. Или это в ушах, от ударов?

Сдёргивает шлем. Под ним оказывается густая чёрная шевелюра.

ФАДДЕЙ: Матушки-светы!

СЛЮНЬКОВ: Ты что? (*Хватается за голову. Вскрикивает.*) Помолодел! Помолодел! Ай да веер!

Скачет по сцене, выделявая невероятные антраша. Бросается к Фаддею, обнимает, целует.

СЛЮНЬКОВ: Фаддеюшка, милый! Есть чудеса, есть! Вот вам и сказки, господин Фандорин! На, постучи себя. Ты ведь моего старей. И здоровье, поди, неважное.

ФАДДЕЙ: Какое уж ныне здоровье.

СЛЮНЬКОВ: На! Хлопни! Тоже помолодеешь!

ФАДДЕЙ (*разглядывая веер*): Ишь, истрепался как. И порван вот тутова... Не буду я хлопаться. Барин уж как болел, а тоже не стал. Говорит, как на роду написано, так пускай и будет... И мне тож чужого не надо. На кой мне ваша молодость, чего в ней хорошего? Всего хочется, а ничего не дают. Бабыё опять же жизнь портит. Нет уж, дожить и на покой... А вы, сударь, идите себе, веер я Ян Казимирычу доставлю.

СЛЮНЬКОВ: Соня! Сонечка!

Вприпрыжку убегает. Фаддей, ворча, уходит следом.

3. Два гения

Перед закрытым занавесом. Маса катит кресло, в котором сидит Фандорин, от одной кулисы к другой.

МАСА (*сварливым голосом*): Доосите анохито-о тайхосимасэн дэсита? Анохито-но иу кото-о доосите синдзимасита ка? Мудзай-но сёко га накатта нони...

ФАНДОРИН: Юдзай но сёко мо накатта. (*Задумчиво.*) Да и пистолета у него не было.

МАСА: Э?

ФАНДОРИН: Стой-ка. Томарэ. (*Маса останавливается.*) Дзю-о сагасун да. (*Делает жест, из которого ясно, что речь идёт о пистолете.*) Дарэ кара хадзимэё?

МАСА: Арукася.

ФАНДОРИН (*подумав*): Ёси. Икэ.

Маса поклонившись разворачивается и быстро уходит.

Фандорин крутит колеса, двигаясь в противоположном направлении. Чертыхается от сотрясения.

Навстречу ему из-за кулисы выходит Инга с лампой в руке. Увидев каталку, вскрикивает.

ИНГА: Вы? Как я испугалась! Что вы здесь делаете в темноте?

ФАНДОРИН (мрачно): К-катаюсь. Почему вы не у себя? Разве вы не понимаете, как это опасно? В доме убийца.

ИНГА: Я знаю... Но не могу поверить. Может быть, это всё-таки кто-то чужой? Кто-то, пришедший оттуда, снаружи? *(Показывает рукой в сторону — оттуда как раз донёсся очередной раскат грома.)*

ФАНДОРИН: Нет, это кто-то отсюда, изнутри.

ИНГА *(передернувшись)*: Я ведь и слуг хорошо знаю. Они мне почти как родные. Я часто бывала у покойного дяди Сигизмунда. Он меня очень любил... Ужасно, как это всё ужасно...

ФАНДОРИН: Ужасно, что я прикован к этому чёртову креслу. Мой слуга действует, а я только д-дедуктирую. Да и то не слишком эффективно... Инга Станиславовна, ради Бога, вернитесь к себе и запируйтесь. Если с вами что-то случится, я себе не прощу.

ИНГА: Да что я? Кому я нужна, кому опасна? Вот вы... Преступник знает, что вы идёте по его следу. А вы со сломанной ногой, беспомощный, и совсем один. Знаете, вы очень храбрый. И ещё... Вы настоящий джентльмен. Даже не спросили, куда я иду с лампой, среди ночи.

ФАНДОРИН: Угадать нетрудно. К вашему жениху.

ИНГА: Да. Дедуция, в самом деле, не из сложных... Ян, конечно, у себя во флигеле. Добывает вакцину, колет ею кроликов. Вокруг убивают, похищен веер, единственное его достояние, а Ян помнит только о своей науке. Я боюсь за него.

ФАНДОРИН: Пожалуй, в самом деле лучше, если вы с ним будете держаться вместе. Что же до веера, то передайте Яну Казимировичу, что он нашёлся. Это была не кража, а так, недоразумение.

ИНГА: Правда? Эраст Петрович, милый! (*Порывисто нагибается и целует Фандорина.*) Как я вам благодарна! Не знаю, как вам это удалось, но вы настоящий гений!

ФАНДОРИН (*смущённо*): У вас все гении...

ИНГА: Не все. Только вы и Ян. И, знаете... Мне жаль, что я не встретила первым вас.

Убегает. Фандорин смотрит ей вслед. Уезжает.

4. *Тикусё!*

Открывается занавес с левой стороны. Это кухня. Глаша неистово колотит большим деревянным молотком — отбивает мясо. Сзади появляется Аркаша, бесшумно подходит. Встаёт, грозно сложив руки на груди. Оглушительно кашляет.

Глаша с визгом отскакивает, замахиваясь своим молотом.

АРКАША: Чтой-то вы, Глафира Родионовна, в ночь-полночь вздумали кухарничать?

ГЛАША: Ох, напугалась как! Боязно в комнате сидеть. Когда дело делаешь, меньше страх берёт.

АРКАША: А коли сюда злодей зайдёт, да станет в вас из револьвера палить?

ГЛАША: Я его тогда вот этим. (*Показывает молот.*) А что ж вы-то не почиваете?

АРКАША (*горько*): Страдаю-с. Ранили вы меня изменнической стрелой в самое сердце. Эх, Глафира Родионовна! На кого променяли-с? На идолище поганое, на язычника! А это грех-с, перед отечеством и Господом Богом! За это вас черти на том свете на сковороду посадят! Голым профилем-с!

ГЛАША: Довольно совестно вам, Аркадий Фомич, про мой профиль такое выражать! Не ваша забота. И руку пустите, больно!

АРКАША: Не моя забота? Эх вы, Евины дочки. Глядите, после не пожалейте. Это я сегодня никто, лакей-с, а завтра, может быть, стану всё. Захотите ко мне подсластиться, а я на вас и не гляну-с. Не пара вы мне будете.

ГЛАША: Что это вы так загордились-то? С каких барышей?

АРКАША: Об том вам знать незачем-с. А только упускаете вы, Глафира Родионовна, своё счастье. (*Наступает на неё.*) Говорите правду, как на святой исповеди: тискались с косорылым?

ГЛАША: У самого у вас рыло накось! И дух изо рта! А Масаил Иваныч мужчина чистенький, гладкий!

АРКАША: Вот ты как? Гуляющая! Истреблю!

Отбирает у неё молот, замахивается. Глаша пронзительно визжит.

Из-за кулис выскакивает Маса, воинственно шипя и выставив вперёд руки.

Аркаша отбегает. Глаша прячется Маса за спину.

АРКАША (размахивая молотом): Не моги драться! Нет такого закона, чтоб басурманы русского человека ногами по харе мордовали!

МАСА: Давать вопрос.

АРКАША: Вопрос можно, только руки прибережи. И коленками не приседай.

МАСА: Арукася и докутор Диксон друзья?

АРКАША: Чево? Какой они нам друг! Они сами по себе, мы сами по себе.

ГЛАША (всхлипывая): Брешет он! Чуть не каждый вечер к англичанину ходил. Сколько раз мне хвастался! Масаил Иваныч, он меня за плечо! Больно! (Плачет.)

МАСА (наступая на Аркашу): Дрозьки — это радз. Докутор друг — это два. Дедукция. Давай-давай. Вести господин. Дерать допрос.

ГЛАША: Так его, Масаил Иваныч! Он дрожки сломал, и с доктором-покойником всё шушукался, и ещё вокруг барышни всё крутился, шпионничал! Он убивец, больше некому! И меня истребить грозился! Чуть жизни не лишил!

Громко плачет.

Маса, достаёт свой свиток, отрывает клочок, вытирает ей слезы. Жалостно цокает.

Аркаша, воспользовавшись этим, сбивает молотом со стола лампу. Звон стекла. Свет на сцене гаснет. Топот ног.

КРИК МАСЫ: Томарэ!

КРИК ГЛАШИ: Масушка! Не пушу! Убьёт он тебя!

ГОЛОС МАСЫ: Грася-сан, догонять, догонять! А, тикусё!

5. Разбитое сердце

Занавес слева закрылся, открылся справа. Там лаборатория: стол с колбами и ретортами, на столе лежит чёрный кролик. Ян в фартуке склонился над кроликом. Рядом Инга, она держит в руках веер.

ИНГА: Как я рада! Не расстраивайся из-за кролика. Мы купим тебе тысячу других. Мы построим настоящую лабораторию, у тебя будут квалифицированные ассистенты. Ты непременно своего добьёшься. И мы с тобой будем очень, очень счастливы.

Кладёт ему руку на плечо.

ЯН (*раздражённо дёрнув плечом*): Подыхает! Мышцы одеревенели! Что я делаю не так? Что?

ИНГА (*трогает его за воротник*): Несвежий... А у меня ты будешь окружён заботой, у тебя всегда будут чистые, накрахмаленные рубашки. По вечерам мы будем пить чай, и ты будешь рассказывать мне о своей работе. Ты увидишь, какое это счастье — семья.

ЯН (*оглядывается на неё*): Лаборатория, животные, ассистенты — да-да. Слушай, этот веер, говорят, стоит миллион. Ты теперь богата. Купи его у меня, а? За полцены уступлю, мне хватит.

ИНГА: Купи? Купи?!

ЯН: Ну да. А что такого? Я, конечно, могу продать его кому-нибудь из этих, из коллекционеров, но это время, хлопоты. Работать нужно. Ты ведь желаешь мне добра, ты моя кузина. Дай хотя двести тысяч. Даже сто. Мне хватит. У меня будет лаборатория, а ты восстановишь дядину коллекцию, вернёшь в неё самый ценный экспонат.

ИНГА: Да я и так куплю тебе лабораторию! Мы устроим её прямо здесь, в Эрмитаже, хочешь?

ЯН: Хм... Понимаешь... Вообще-то настоящему учёному не следует жениться. Пойдут пеленки, няньки. Чаепития, и жена всё спрашивает, и нужно ей объяснять... Давай лучше ты купишь у меня веер. Пятьдесят тысяч, и он твой.

Инга резко отворачивается и стоит так, спиной, некоторое время. Потом вновь оборачивается к нему.

ИНГА: Я не нужна тебе... Хотела подарить тебе свою жизнь, а ты в этом подарке не нуждаешься... Что ж, пусть так. Будь по-твоему.

ЯН: Ты только не обижайся, ладно? Ну какой из меня муж, сама посуди.

ИНГА: Я не буду обижаться.

ЯН (*встревоженно*): А веер купишь?

ИНГА: Куплю.

ЯН: За пятьдесят тысяч?

ИНГА: Почему за пятьдесят? Ты говорил миллион — значит, миллион. Нынче же отдам распоряжение в банк. У тебя будет всё, что ты хочешь...

Ян хочет обнять её, вместо этого начинает жать руку, соображает, что она в резиновой перчатке, стягивает её зубами. Рукопожатие.

ЯН: Всё, уговор. Веер твой. А миллион мой. Ты не передумаешь?

ИНГА: Уговор...

ЯН: Ура! Сделка века совершилась! (Склоняется над кроликом, напевая из «Оды к радости».) «Freude, schöne Gotterfunken, Tochter aus Elysium...»

Инга печально за ним наблюдает. Оба повёрнуты спиной или вполоборота к залу.

В это время из-за кулисы появляется Аркаша с молотом в руке. Ступая на цыпочках, проникает в лабораторию и закрывает за собой занавес.

6. Удар ногой

Перед занавесом. Маса толкает кресло с Фандориным, держит над ним зонт. Рядом семенит Фаддей.

МАСА (возбуждённо): ...Нигэтэ симаимасита! Утагаи-мо наку, Арукася га короситан дэс!

ФАНДОРИН: Аркаша?

МАСА: Хай!

ФАНДОРИН (Фаддею): Вы уверены, что это был он?

ФАДДЕЙ: А кто ж. Глаза ещё, слава Богу, видют. Он через двор к хлигелю прошмыгнул, я признал.

ФАНДОРИН: Ну что ж, дело близится к финалу.

Останавливаются перед той частью занавеса, за которой лаборатория.

Маса пытается открыть — заперто.

МАСА: Симаттэмас!

ФАНДОРИН (*подъезжает, громко стучит*): Ян Казимирович! Инга Станиславовна! Откройте! Это я, Фандорин!

Изнутри доносятся крики.

АРКАША: Сколопендра! Иуда! Убью!

Шум, грохот.

ИНГА: Стреляй, Ян, стреляй!

Три выстрела.

Маса с визгом подскакивает, вышибает ногой «дверь».

7. В лаборатории

Занавес открывается полностью.

Аркаша лежит, чуть в стороне на полу сидит Ян с револьвером в руке. Инга тоже на полу, близ столика, её лицо в крови.

ФАНДОРИН (*вкатываясь в лабораторию*): Инга! Вы ранены?

ИНГА: Ударилась о ножку... Он толкнул... Ничего...

Ян встаёт, пошатнулся, схватился за голову.

ЯН: Чёрт... Что за чёрт... Стоял... Вдруг лежу... И рядом — это. (*Показывает револьвер.*) Я убил его? Убил?

МАСА (*он сидит на корточках над Аркашей*): Готов. Дырки. (*Показывает три пальца.*) Горова, грудь, хара.

ЯН: Хара?

ФАНДОРИН: Это по-японски «живот»... Инга, Инга Станиславовна, вы можете встать? (*Помогает ей подняться.*)

ИНГА: Всё хорошо... Только голова немножко кружится.

ФАНДОРИН: Лоб разбит. А пол пыльный, грязный. Воды!

Фаддей уже несёт кувшин с водой, смачивает платок Фандорина.

ИНГА: Вы себе не представляете... Это был кошмар!

ФАНДОРИН: Потом расскажете. Сначала нужно п-промыть ссадину. (*Осторожно обрабатывает рану.*)

Ян подходит, смотрит с профессиональным интересом.

ЯН: Классический случай. Питательнейшая среда для бацилл Николайера. Эх, сейчас бы инъекцию сыворотки — если б была...

ИНГА: А ты? Как ты? Он тебя так сильно ударил.

ЯН (*щупает голову*): Шишка. Но сотрясения вроде бы нет.

ФАНДОРИН: Ну вот. Так лучше. А теперь рассказывайте.

ЯН: Пускай Инга. Мне, собственно, нечего рассказывать... (*Трогает шишку.*)

ИНГА: Да, Ян ничего не видел... Мы стояли — вот здесь, спиной к двери. Разговаривали. Вдруг сзади шорох. Не успела оглянуться...

ЯН: Я тоже не успел.

ИНГА: Удар, Ян падает! Оборачиваюсь — этот человек. Замахивается, хочет снова ударить. Я его за руки, на пол со стуком что-то железное. Смотрю — пистолет! Отшвырнула ногой! А он меня как толкнёт! Я отлетела туда, ударилась!

ЯН: Я как сквозь сон... Слышу: «Стреляй, Ян! Стреляй!» Смотрю — на полу вот эта штука. Сам не помню, как поднял руку, нажал несколько раз...

ФАНДОРИН: И все три раза попали. В голову, в грудь и в живот. Уложили н-наповал. Недурно для новичка.

ЯН: Что это он на нас накиннулся? С молотком, с револьвером. Что мы ему сделали? С ума, что ли, сошёл? Ничего не понимаю

ФАНДОРИН: Что ж тут не понять? Картина более или менее ясная. Наступают времена, когда в спектакле под названием «Россия» поменяются роли. Такому вот Аркаше будет мало реплики: «Кушать подано», он захочет стать главным действующим лицом д-драмы. Лакей Аркадий в этом преуспел. Он придумал пьесу, ловко разыграл её, а господ сделал статистами. Вытащил из долговой ямы Диксона. Поставил условие: хозяин должен умереть. И Диксон то ли отравил, то ли, как говорится, залечил до смерти — так или иначе, Сигизмунд Борецкий переселился в мир иной.

ИНГА: Бедный дядя... Это всё из-за наследства, да?

ФАНДОРИН: Из-за веера. Чтоб поверить в могущество этого куска бумаги (*кивает на веер, лежащий на столе*), нужен особый склад личности. Бог знает, какие б-бредовые фантазии витали

в голове этого лакея. Действовал он дерзко и изобретательно. Доктору за соучастие, очевидно, посулил деньги. Во всяком случае, о волшебных свойствах веера Диксону известно не было. Аркадию было очень важно, чтобы о к-колдовской силе веера никто не узнал, особенно наследники. Именно поэтому он подпилил ось на дрожках, чтобы я не приехал и не испортил ему всю игру.

ИНГА: Но как бы он заполучил веер?

ФАНДОРИН: Очень просто. Зная, как нуждаются Ян Казимирович и его отец, он выкупил бы у них эту безделицу за какую-нибудь скромную сумму. Но план рухнул. Неожиданное коварство проявил доктор Диксон. Он, очевидно, догадался, что веер имеет какую-то особенную ценность. Слугам в присутствии господ рот раскрывать не позволено, и англичанин на глазах у своего сообщника стал выманивать веер. Аркадия выручила предусмотрительность. Казимир Иосифович был человеком непредсказуемым, поэтому лакей заранее подсыпал ему в коньяк яду. Если опекун заупрямится, от него можно будет избавиться и договориться с Яном Казимировичем. Вышло удачно: Казимир Иосифович получил отраву из рук собственного сына. А доктор потом ещё и уничтожил улики — ему вмешательство полиции было ни к чему. Но на этом везение Аркадия закончилось. Во-первых, появился я, хоть и со сломанной ногой. О волшебной силе веера узнали все. Во-вторых, исчез веер.

ИНГА: Куда он всё-таки делся? Как вы его нашли?

ФАНДОРИН: Это не имеет отношения к нашему главному сюжету. Важно то, что Аркадий затаился у окна гостиной и подслушивал, как я беседую по очереди со всеми вами. Когда доктор собрался рассказать мне всю правду, лакей заткнул ему рот. Пулей.

ЯН: А зачем он ворвался ко мне в лабораторию? Накинулся, ударил по голове. Что я-то ему сделал?

ФАНДОРИН: Ничего. Просто Аркадию стало известно, что веер найден и находится здесь. А ещё он знал, что Маса его раскусил, и что с минуты на минуту прибудет полиция. Он не мог терять времени.

ЯН: Да, всё логично.

ИНГА (вполголоса Фандорину): Я же говорила: вы гений.

ЯН: Ну, всё хорошо, что хорошо кончается. Нелепица разрешилась. Я свободен, у меня есть средства. Можно заняться делом.

ФАНДОРИН (протягивая руку): Вы позволите?

ЯН (передавая ему револьвер): Да-да, заберите эту гадость.

Подходит к столу, приставляет стетоскоп к неподвижному кролику.

ФАНДОРИН: Угу. Револьвер тот самый, вне всякого сомнения. Шестизарядный барабан, осталось два патрона. Один выстрел был сделан в гостиной, вот из этого г-гнезда. И три гильзы, только что отстрелянные...

ИНГА (вполголоса): Я вижу, что-то не даёт вам покоя.

ФАНДОРИН (*подносит палец к губам*): Скажите-ка, Ян Казимирович, вы ведь навещали покойного дядю незадолго до его смерти?

ЯН: Еле дышит... Что? Да, он вызывал меня. Мы говорили о медицине.

ФАНДОРИН: И после этого Сигизмунд Иосифович решил оставить веер вам?

ЯН: Ну да. Старик верил в эти китайские бредни. Должно быть, полагал, что махалка поможет мне сделать открытие. А она и поможет, только не так, как он думал. Благодаря ей у меня будут деньги. Много!

ФАНДОРИН: Инга Станиславовна, я слышал, как Аркадий кричал что-то про сколопендру и, кажется, иуду. В каком смысле «иуда»? Может быть, он кричал что-то ещё?

ИНГА (*после паузы*): Не помню. Я так испугалась... Хотя нет, постойте! Когда он ударил Яна по голове, то крикнул: «Получи, Иуда!»

ЯН (*не оборачиваясь*): В самом деле? Я не слышал. Почему «Иуда»?

ФАНДОРИН: Потому что вы предали своего сообщника.

ЯН (*обернувшись*): Что-о?!

Фандорин направляет на него револьвер.

ФАНДОРИН: Ни с места. Револьвер теперь у меня. Стройную я вам изобразил версию? Вы успокоились, отдали оружие. А успокоились, между п-прочим, зря.

ЯН: Что-о?!

ФАНДОРИН: Теперь я расскажу, как всё было на самом деле. Вам были очень нужны деньги — для ваших ч-честолюбивых экспериментов. Что

такое жизнь родственника по сравнению с благом человечества? Особенно если это и ваше личное благо. Слава, богатство, весь мир у ваших ног. Вы постарались понравиться дяде, чтобы он не забыл про вас в завещании.

ЯН: Э, э, чиновник особых поручений, вы это бросьте! Конечно, деньги мне нужны, но...

ФАНДОРИН: Вы человек методического мышления. У вас был приготовлен и запасной вариант. Если бы дядя всё-таки обошёл вас в завещании, то разве что в пользу Инги Станиславовны. И тогда вы на ней уж непременно женились бы. Так?

ЯН: Ну, так. Да что с того?

Инга со стоном закрывает лицо руками.

ФАНДОРИН: Деньги вам нужны были срочно. Вы ведь человек нетерпеливый. Тут-то вам и пригодился мистер Диксон. За обещанное вознаграждение он согласился свести пациента в могилу. Пришлось взять в сообщники лакея. Парень он был ловкий, — барину лекарство подменить, да и в истории с дрожками вон как п-пригодился. Вы не верили в волшебные чары веера, но отлично знали, каких денег стоит эта реликвия.

ЯН: Понятия не имел! Клянусь вам!

ФАНДОРИН: Зачем же вы тогда принесли отцу флягу с отравленным коньяком? Разве не для того, чтобы помешать Диксону перекупить веер? И у окна подслушивали тоже вы. Стреляете вы превосходно — вот доказательство. *(Кивает на труп.)* Казалось, вы своего добились. Опасный свидетель, доктор Диксон, уничтожен, веер к вам вернулся. Но тут появляется лакей. Он догадался, что доктора убили вы, и боится, что его постиг-

нет та же участь. Потому и набросился на вас. Если б не Инга Станиславовна, вы не успели бы прийти в себя и выстрелить.

ЯН: Да ну вас к чёрту! Несёте чушь, а я должен оправдываться! Если я стрелял в Диксона, если револьвер мой, то почему он вдруг оказался у Аркадия?

ИНГА: А может быть, у Аркадия и не было револьвера?.. Я же говорила: мы стояли лицом туда, вдруг сзади шорох, удар, крик, Ян падает, я оборачиваюсь, этот человек замахивается снова, я хватаю его за руки, на пол падает что-то железное, я смотрю — оружие, отшвырнула ногой... Но откуда выпал револьвер, я не видела.

ФАНДОРИН: Разумеется, у лакея не было револьвера. Иначе он пристрелил бы «нуду». Револьвер выпал из кармана Яна Казимировича. *(Ян хочет возразить, но Фандорин повышает голос.)* Всё, дальнейшее предоставим полиции. Пока же я вынужден поместить вас под замок. *(Фаддею.)* Что за той дверью?

ФАДДЕЙ: Чуланчик.

ФАНДОРИН: Вот и отлично. Господин Борецкий, милости п-прошу в чуланчик. Маса, асоко дэ карэ-о тодзикомэтэ окэ.

МАСА: Хай. *(Подходит к Яну, берёт его за рукав, хочет вести в чулан.)*

ЯН: Отстань! Пусть ваш азиат оставит меня в покое! Дайте хоть мою крольчиху! И вакцину! Я не могу сидеть без дела! Инга, что они со мной делают?!

ИНГА: Господи, да отдайте вы ему крольчиху! Разве вы не видите, он болен!

Ян берёт под мышку кролика, шприц, успевает цапнуть со стола ещё какую-то склянку и лишь после этого позволяет запереть себя в чулане.

ИНГА: Он не в своём уме... Господи, сколько несчастий! *(Всхлипывает. Пятится от чулана, спотыкается о лежащий труп, вскрикивает.)* Ради Бога, уберите его!

ФАНДОРИН: Фаддей Поликарпович, Маса, унесите тело к тем двум... Сейчас, Инга Станиславовна, сейчас.

Фаддей и Маса выносят мертвеца. Инга всхлипывает. Фандорин держит её за руку.

ИНГА: Ужасно, ужасно, ужасно... Если бы не вы... Я не знаю, что мной, со всеми нами...

ФАНДОРИН *(протягивая ей платок)*: Не нужно плакать. Ведь кроме меня здесь никого нет, все ушли.

ИНГА: Что?

ФАНДОРИН: Теперь, когда мы остались вдвоём, позвольте задать вам один-единственный вопрос. *Всё это* из-за несчастного веера?

ИНГА: Что «это»?

ФАНДОРИН: Все эти убийства, интриги, вероломство. Вы совершили все эти гнусности лишь для того, чтоб завладеть веером?

ИНГА: Эраст Петрович, я... я не понимаю!

ФАНДОРИН: Чего вы не понимаете? Зачем мне понадобилось обвинять бедного Яна? Чтобы окончательно убедиться в вашей вине. Я дал вам понять, что подозреваю не Аркадия, а Яна. И вы, что называется, схватили на лету. Тут же подкинули недостающие улики: и револьвера-то у Аркадия не было, а ещё он, оказывается, крик-

нул Яну: «Получи, иуда». Последнее было с вашей стороны уж вовсе неосторожно. Там, за дверью, я был не один, а с двумя свидетелями. Когда мы подбежали к двери, здесь было тихо. После того, как я закричал «Откройте!» и стал стучать, *после, а не до*, раздался шум, Аркадий закричал про сколопендру, и грянули выстрелы. Из этого следует, что к моменту нашего появления Ян Казимирович уже лежал на полу, оглушённый, а вы с Аркадием выясняли отношения. Он требовал, чтоб вы его спасли? Или просто хотел денег?

ИНГА: Господи, тоже гений и тоже сумасшедший...

ФАНДОРИН: Услышав мой голос, вы попытались застрелить соучастника, но он выбил револьвер. Вы успели отшвырнуть оружие, криком привели Яна Казимировича в чувство. Он открыл огонь, и вам удалось выйти сухой из воды. *Почти* удалось.

ИНГА: Да зачем, с какой стати стала бы я нагромождать все эти злодеяния? Сигизмунд любил меня. Вы даже не представляете, как он меня любил! Мне достаточно было попросить, и он отдал бы мне этот веер!

Берёт со стола веер.

ФАНДОРИН: Я знаю, что он вас любил. И судя по всему, сильнее, чем предписывают родственные чувства. Но Сигизмунд Борецкий был человеком по-своему нравственным. Он свято верил в силу веера и относился к своей реликвии ответственно. Сам ею так и не воспользовался, даже ради собственного исцеления. Да если бы и воспользовался, его ждало бы тяжкое разочаро-

вание. А вас он, хоть и любил, но, похоже, знал вам цену и не желал, чтобы это «мощное» средство (*кивает на веер*) попало в ваши руки. Состояние, деньги — пожалуйста, но только не Веер Добра и Зла. Незадолго до кончины он вызывает п-племянника, убеждается, что тот искренне увлечён наукой, и решает оставить веер ему. Вы догадывались, что такой исход возможен, для того и стали невестой Яна Казимировича. Вы не остановились ни перед чем, лишь бы достичь своей цели. И несомненно достигли бы её. Ян отдал бы вам веер — ведь ему для исследований нужны деньги, а в мистику он не верит.

ИНГА: Уже.

ФАНДОРИН: Что «уже»?

ИНГА: Уже достигла. Обменяла веер на дядюшкины капиталы. Теперь он мой. Нотариального акта нет, но ведь для Будды это неважно, правда? Главное, что владелец веера передал мне его добровольно. Вы умный человек, господин Фандорин. Ещё умней, чем я думала. И продедукировали всё очень логично. Только вот...

ФАНДОРИН (*изумлённо*): Вы сознаётесь?

ИНГА: Да. Знаете, надоело препираться. К тому же это не имеет ни малейшего значения. Вы человек умный и логичный, только с одним недостатком.

ФАНДОРИН: Интересно, каким же?

ИНГА (*приближается к нему, наполовину раскрывает веер, обмахивается*): Слишком логичны. А потому за деревьями не увидели леса. Знаете, чего вы не учли?

Фандорин рывком встаёт. Вскрикнул, покачнулся, но удержался на ногах.

ФАНДОРИН: Руки держать на виду! У вас второй револьвер?

ИНГА *(смеётся):* Ах, умные мужчины, до чего же вы глупы. Второго револьвера у меня нет. Но у меня есть веер. **И он действительно волшебный!**

С этими словами она бьёт Фандорина чёрной стороной веера по лбу. Тот падает в кресло, как подкошенный. Смотрит на неё снизу вверх широко раскрытыми глазами, не в силах пошевелиться.

ИНГА: Оп-ля! Не ждали, господин рационалист? Коньяк у него отравленный! Нет, Эраст Петрович. Точно так же я шлёпнула пьяненького дядю Казика — чтоб проверить. И проверила! Милый дядюшка упал и умер. И только тогда, только тогда я по-настоящему поверила! Зачем мне револьвер? Вот самое мощное оружие на свете. И оно теперь принадлежит мне! Сейчас я произнесу заклинание. Мир сделается немножко похуже (ну и чёрт с ним), зато я стану самой великой, самой прекрасной, самой могущественной... *(Раскрывает веер, поворачивает его чёрной стороной наружу и нараспев читает молитву.)* «Нам-мёхо-рэнгэ-кё, Нам-мёхо-рэнгэ-кё, Нам-мёхо-рэнгэ-кё, Нам-мёхо-рэнгэ-кё, Нам-мёхо-рэнгэ-кё, Нам-мёхо-рэнгэ-кё, Нам-мёхо-рэнгэ-кё, Нам-мёхо-рэнгэ-кё».

Удар грома, вспышка молнии, свет гаснет, зажигается вновь — одним словом, происходит Чудо.

Инга пошатнулась, выронила веер, с криком упала навзничь. Её бьют судороги. Она запрокидывает голову, вытягивается дугой. Это должно быть нату-

ралистично и страшно. Потом застывает прямая, как палка.

Из запертого чулана доносятся крики.

ГОЛОС ЯНА: Она жива! Она жива! Честное слово, жива!

Вбегают Фаддей и Маса.

ФАДДЕЙ: Господи, барышня! *(Бросается к Инге.)*

МАСА: Данна! Дооситан дэс ка?! *(Бросается к Фандорину. Помогает ему подняться на ноги.)*

ФАНДОРИН *(изумлённо)*: Нога... Я не чувствую боли. *(Топает загипсованной ногой. Делает шаг, другой. Подпрыгивает.)* Перелома нет! Что за ч-чертовщина?

ГОЛОС ЯНА: Да откройте же! Эврика! Эврика!

Дверь чуланчика с треском распахивается, вылетает Ян.

ЯН: Смотрите, она жива! Она выздоровела! *(Спускает на пол крольчиху, и та резво бежит за кулису¹.)* Вакцина есть! *(Поднимает руку со шприцом.)* Получилась! Я сам не понял, как! Добавил десять миллиграмм эссенции, и сработало! Это настоящее чудо! *(Наконец, замечает лежащую Ингу, осекается.)* Что... что случилось?

ФАНДОРИН *(слабым голосом)*: По всем симптомам — столбняк... Возможно, из-за той ссадины на лбу. Но как-то уж очень быстро. Разве так бывает? *(Покачнулся, схватился рукой за лоб. Маса подлетает к нему с каталкой, Фандорин обессиленно садится.)* Что за... Нет, невозможно!

¹ Наверное, придется приучить кролика, что там лежит морковка, или ещё как-нибудь.

ЯН: Бывает. Если в кровь попадает сильная бациллярная культура. Столбняк? Но это же отлично! Просто превосходно! Какое везение! Можно проверить действие вакцины на человеке! Немедленно, сейчас.

Опускается на корточки, делает Инге укол.

ФАНДОРИН (*Маса, указывая на лежащий веер*):
Сэнсу-о... Боку ни...

Маса подаёт ему веер, Фандорин осторожно, будто заряженную мину, его рассматривает.

ФАНДОРИН: Что за ч-чёрт! На бумажной части иероглиф «солнце», а на деревянной «луна»! И откуда тут полоска папиросной бумаги?

ФАДДЕЙ: Это я давеча подклеил. Снял бумажку с деревяшки, залатал, снова приклеил. Клей самолучший, намертво схватил. Вон как аккуратно стало, не стыдно людям показать.

ФАНДОРИН: Боже мой, вы приклеили шиворот-навыворот... (*Смотрит на Ингу.*) Я сплю! Это сон! Она думала, что сделает миру хуже, а себе лучше, но вышло наоборот... Мир стал лучше — столбняк побеждён... И моя нога срослась — от удара... Это что, чудо?

Инга издаёт громкий стон. Ян помогает ей сесть. Она хочет что-то сказать, но лишь мычит.

ЯН: Жизнь спасена, но поражение бациллами Николайера слишком сильное. Боюсь, бедная кузина останется парализованной. Но всё равно, вакцина работает!

Фандорин встаёт с кресла.

ФАДДЕЙ: Куда вы, батюшка? Сидите, на вас лица нет.

ФАНДОРИН: Уступлю место д-даме.

Ян и Фаддей переносят Ингу в кресло, она мычит.

ФАНДОРИН (*бормочет*): Есть много в небесах и на земле такого, что нашей мудрости, Гораций, и не снилось... (*Поворачивает веер то так, то этак.*) Ах, Фаддей Поликарпович, что вы натворили! Добро перепутали со Злом, да ещё прихватили самолучшим клеем, намертво. Как же теперь разобраться-то?

ФАДДЕЙ: Уж как-нито разберёмся. Верно, Масаил Иваныч?

МАСА: Борьшое деро.

ЗАНАВЕС.

陰

ЗАХАРОВ

Борис Акунин

ИНЬ И ЯН

ЗАХАРОВ • МОСКВА

УДК 882
ББК 84Р1-44
А 44

Директор издательства
Ирина Евг. Богат

Издатель Захаров
Лицензия ЛР №065779
от 1 апреля 1998 г.
121069, Столовый переулок,
4, офис 9 (рядом с Никит-
скими Воротами, отдельный
вход в арке)

Тел.: 291-12-17, 258-69-10.
Факс: 258-69-09
Наш сайт: www.zakharov.ru
E-mail: zakharov@dataforce.net

Художественное оформление
Григорий Златогоров

Верстка
Кирилл Лачугин

ISBN 5-8159-0584-4

9 785815 905849

Подписано в печать 02.02.2006.
Формат 70×100¹/₃₂.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Бумага писчая. Усл. печ. л. 7,1.
Тираж 70 000 экз. Изд. № 584.
Заказ № 67.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург,
ул. Тургенева, 13.

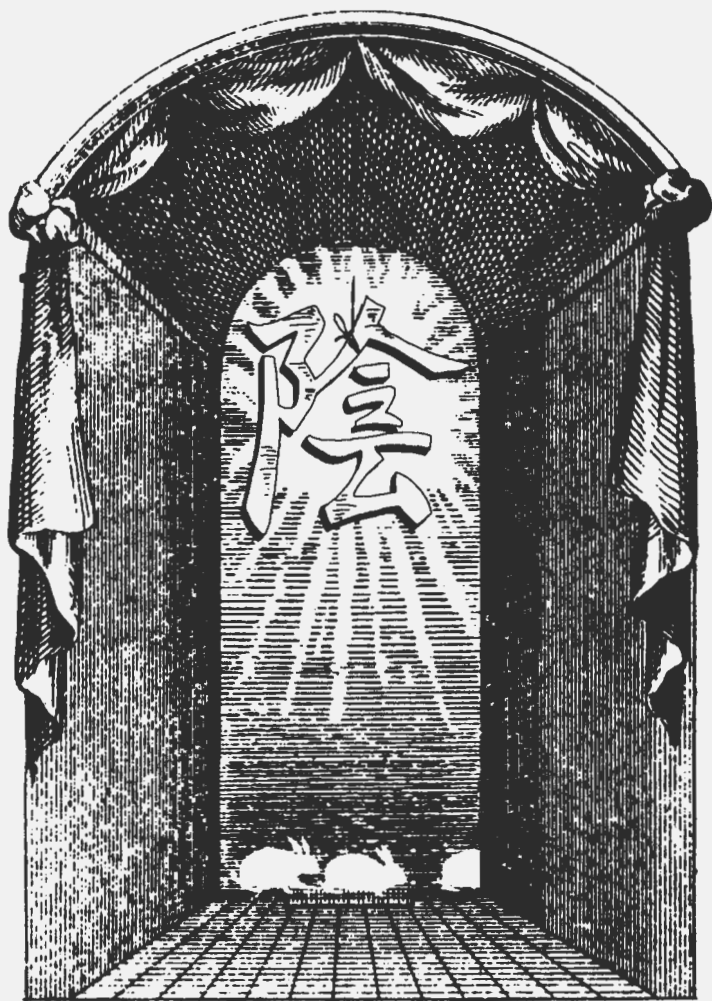
А 44 Акунин Б. Инь и ян. — М.: Захаров, 2006. — 176 с.

«Инь и ян» — это театральный эксперимент. Один и тот же сюжет изложен в двух версиях, внешне похожих одна на другую, но принадлежащих к двум совершенно разным мирам. По форме это детектив, расследование ведет великий сыщик Эраст Фандорин, которому помогает его верный слуга Маса. Пьеса была написана автором специально для режиссера Алексея Бородина (Российский академический молодежный театр).

ISBN 5-8159-0584-4

УДК 882
ББК 84Р1-44

© Б.Акунин, автор, 2006
© И.Захаров, издатель, 2006

белая версия

Действующие лица

Эраст Петрович Фандорин, чиновник особых поручений при московском генерал-губернаторе.

Маса, камердинер Фандорина.

Ян Казимирович Борецкий, недоучившийся студент.

Инга Станиславовна Борецкая, его кузина.

Казимир Иосифович Борецкий, отец Яна.

Станислав Иосифович Борецкий, отец Инги.

Лидия Анатольевна Борецкая, жена Станислава Иосифовича, мать Инги.

Роберт Андреевич Диксон, домашний врач.

Степан Степанович Слюньков, нотариус.

Фаддей Поликарпович, камердинер покойного хозяина усадьбы.

Аркаша, лакей.

Глаша, горничная.

Белый кролик

Действие происходит в 1882 году в подмосковной усадьбе покойного Сигизмунда Борецкого.

Первое действие

1. Влюбленные

Сцена разделена перегородкой, причём часть, что находится слева (она вдвое шире правой), закрыта занавесом, а правая часть открыта. Вдали погромыхивает приближающаяся гроза.

Справа из-за кулис выходит Инга, прижимая к груди белого кролика. За ней следом выходит Ян. Он в клеёнчатом фартуке поверх студенческой тужурки.

ЯН: Инга, отдай животное!

ИНГА: Как бы не так. Ты будешь мучить бедняжку. *(Целует кролика.)*

ЯН: Такое у меня ремесло — мучить животных, чтоб избавить от мук человечество. Знаешь, сколько людей ежегодно умирает от столбняка?

ИНГА: Знаю, ты уже говорил. И я нисколько не сомневаюсь, что ты победишь эту свою столбнячную бациллу... Как её...

ЯН: Бацилла Николайера.

ИНГА: Победишь своего Николайера, спасёшь человечество от столбняка, и тебе поставят памятник. Но в чём виноват этот пушистый, этот ушастый? *(Снова целует кролика.)* И чего стоит спасение человечества, если для этого пришлось замучить маленького кролика?

ЯН: Это из Достоевского? Не по моей части. Я рационалист, а не моралист. Пожертвовать несколькими кроликами ради того, чтобы спасти тысячи людей — это рационально. Смотри. *(Достаёт из кармана футляр, из него изрядного размера шприц.)* Вот она, столбнячная бацилла. Эта коварная убийца проникает в кровь через пустяковую ранку и вызывает страшную, мучительную смерть. Я уверен, что антитоксин можно добыть из сыворотки крови иммунизированного кролика! Может быть, именно этот экземпляр даст мне ключ!

Хочет забрать кролика, Инга не выпускает, и они застывают в этом полуобъятьи.

ИНГА: ...Ян, ты одержимый. Даже сюда привёз клетку с кроликами. Это в дом покойника!

ЯН: Здесь замечательное электрическое освещение, можно работать ночью. А дядя Сигизмунд тоже был в некотором роде учёный. Он не обидится.

ИНГА: Я знаю, он вызывал тебя незадолго до смерти. О чём вы говорили?

ЯН: Расспрашивал о моих экспериментах.

ИНГА: Как это замечательно! Наверное, решил оставить тебе денег на исследования!

ЯН: Если и так, что проку? Мне до совершеннолетия еще семь месяцев. Опекуном станет папаша, он денежки в два счёта спустит, ты его знаешь. И дядя Сигизмунд это тоже знал. Нет уж, любимая племянница у него была ты, тебе всё и достанется.

ИНГА: Мне не нужно богатства. Я просила дядю не унижать моей любви к нему, завещать

какую-нибудь безделицу на добрую память — и только.

ЯН: Душешипательные мерихлюндии. Чёрт, мне бы хоть тысячу рублей! Я бы снял настоящую лабораторию, купил швейцарское оборудование... Пойми ты, я в двух шагах от великого открытия! Если мне удастся... Ух, если мне удастся одолеть бациллу Николайера! Недоучившийся студент открыл противостолбнячный антитоксин! Представляешь?

ИНГА: Я верю в тебя, ты гений! Но ты как малый ребенок, ты без меня пропадешь. Мы обязательно поженимся. Пускай мои родители против, пускай церковь не позволяет венчать двоюродных — всё равно, мы непременно будем вместе.

ЯН (*рассеянно*): Да, ерунда. Мы уедем в Америку. Что нам церковь?

ИНГА: Нет, я хочу, чтобы всё было по-настоящему. Держи свой «экземпляр» и пойдем. Все уже в гостиной, сейчас будут читать завешание. Идём же! Не то опоздаем!

ЯН: Да пропади они пропадом со своим завешанием!

ИНГА: Глупый, ты ничего не понимаешь в практических делах. Твой антитоксин то ли добудется, то ли нет. А вот если дядюшка оставил состояние тебе, мы сможем обвенчаться и без бациллы. Папа сразу подберет. Напишет архиепископу, и тот даст разрешение на брак.

ЯН: Иди, коли тебе интересно. А мне противно зависеть от капризов богатого сумасброда. Да и на папашу моего драгоценного лишний раз любо-

ваться неохота. (Кролику.) Пойдем-ка, лучше, брат, в наш чуланчик, поработаем.

ИНГА: Милый, ну пожалуйста... (Гладит его по щеке. Ян поправляет очки.) Идём! От этого зависит наше будущее.

Тянет его за собой. Ян неохотно идёт, прижимая к груди кролика.

2. Онемели

Занавес открывается слева и закрывается справа. Видно гостиную. За окнами темно, время от времени полыхают зарницы. Вошедшие Ян и Инга застают немую сцену: все, кто находится в гостиной, застыли на месте.

Нотариус Степан Степанович Слюньков, лысый, с седым венчиком волос, стоит посередине комнаты, держит в руках листок — он единственный, кто не проявляет никаких чувств. Прочие ооченели от изумления, всяк по своему. Казимир Иосифович Борецкий (отец Яна) удручён и потрясён. Станислав Иосифович и Лидия Анатольевна Борецкие (родители Инги) не верят своему счастью. Доктор Диксон развёл руками и вытаращил глаза. У дверей стоят слуги: Фаддей, Аркаша, Глаша. Фаддей неодобрительно качает головой. Аркаша разинул рот. Глаша испуганно прикрыла губки ладонью.

Ян и Инга тоже изумлены, переглядываются.

ЯН: Это что ещё за немая сцена?

Застывшие фигуры оживают.

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Убит! Раздавлен пятою судьбы! Как червь! Ян, сын мой, мы погибли!

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Инга! Ангел мой! Это сон! Чудесный сон!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ (*вытирая лоб платком*): Уф, даже в жар кинуло! С одной стороны, это, конечно, обидно — так обойтись с родным братом, то есть, собственно, с обоими братьями... Но, с другой стороны, это его право.

ДОКТОР ДИКСОН: It's unbelievable... Прошу вас, sir... сударь, прочтите ещё раз!

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА И СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Да-да, пожалуйста! Прочтите снова!

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Вот именно, снова! Проклятьё! Когда я трезв, ничего не соображаю... Какой, к чёртову дедушке веер? Ян, где моя фляжечка? Отдай!

ЯН: Когда уедем, не раньше. Кто клятву давал? Я только на этом условии с вами и поехал...

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Изверг, отцеубийца! Один глоточек коньячку! Ведь гибель последней надежды!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Помолчи, Казимир! Читайте!

СЛЮНЬКОВ (*читает*): «Сего тридцатого августа 1882 года, находясь в здравом уме и трезвой памяти, я, Сигизмунд Иосифович Борецкий, в присутствии нотариуса Степана Степановича Слюнькова...» (*кланяется и вскрикивает, хватаясь за поясницу*). Проклятая поясница! «...Слюнь-

кова объявляю мою последнюю волю касательно принадлежащего мне...»

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Ах нет! Не нужно всё. Только самый конец.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Да, последнее предложение.

СЛЮНЬКОВ: Извольте. Вот: «...Всё вышеперечисленное движимое и недвижимое имущество, равно как и вклады в «Русско-Азиатском банке» и банке «Кредит Лионнэз», завещаю моей племяннице Инге Станиславовне Борецкой...»

ИНГА (*пронзительно*): Я же его просила!

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Господи! Да святится имя Твое!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Зачем девочке, почти ребенку, такое состояние? Душенька, ты и распорядиться им не сможешь.

ИНГА: Ничего, папенька, мне уже 21 год, я совершеннолетняя. А что там дальше?

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Да-да, самый-то конец. Может, я недопонял? Ян, слушай!

СЛЮНЬКОВ (*читает дальше*): «...моему племяннику Яну Казимировичу Борецкому завещаю свой бумажный веер, который передаю на ответственное хранение в нотариальную контору «Слюньков и Слюньков». Далее только число и подпись.

ДИКСОН: It's incredible! Absolutely incredible! Я лечил этот человек три месяца! Хотя бы мелочь завещал! Out of common decency!

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Если б вы, доктор, его вылечили — тогда другое дело, а так за

что вам? Он и мне-то, брату любимому, согбенному под ударами судьбы, ни шиша не пожаловал... Над племянником, несчастным юношей, жестоко поглумился. Бумажный веер, каково? Ян, сынок, принеси фляжечку... Плохо мне...

ЯН: Да ну вас к чёрту, старый вы пьяница! Что я здесь время теряю! (*Хочет уйти.*)

ИНГА: Постой! Не уходи! Про веер это не просто так! Здесь какая-то тайна!

ЯН: Не тайна, а насмешка! Будь прокляты толстосумы, издевающиеся над людьми.

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Но как же... Это несправедливо! Я нищ, кругом в долгах! А Стасик и без того богат!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Не богат, а состоятелен. Это наша Инга теперь миллионщица. (*С чувством, обращаясь к висящему на стене портрету*). Сигизмунд, я всю жизнь завидовал тебе. Твоей хватке, твоей неукротимой энергии. Прости меня! Да будет земля тебе пухом!

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Каким еще пухом! Я только давеча, на прошлой неделе, занял пять тысяч... Надеялся выплатить из наследства!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Что ж, мне жаль твоего кредитора. Глупый человек, нашёл, кому одалживать.

Казимир Иосифович внезапно раздражается истерическим хохотом и никак не может остановиться.

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Ой... Ой, Стаська... Тут ты прав... Прав, как никогда!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ (*брезгливо отвернувшись*): Скажите, господин... э-э... Слюньков, а когда моя дочь сможет вступить, так сказать, в права наследования? Она слишком юна и неопытна, чтобы самой разобраться в подобных вещах...

ДИКСОН (*перебивает*): Господа, господа! А веер?

ИНГА: В самом деле! У дяди была великолепная коллекция восточных раритетов. Может быть, этот веер представляет какую-нибудь невероятную ценность?

ЯН: Бумажный-то?

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Да! Где наш веер?.. Бу... (*всхлипывает*) бумажный...

СЛЮНЬКОВ: Я уполномочен сообщить вам, что указанный в завещании предмет действительно был передан мне завещателем и, согласно полученным инструкциям, доставлен сюда, в подмосковное имение усопшего. Однако...

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Какое еще «однако»? Где наше наследство?

СЛЮНЬКОВ: Честно говоря, я пребываю в некотором затруднении... Видите ли, в инструкции сказано, что означенный предмет должен быть передан наследнику в присутствии одного человека, некоего Фандорина Эраста Петровича, который сделает необходимые разъяснения...

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Фандорин? Милый, не тот ли это молодой человек, о котором говорили в салоне у Одинцовой?

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Да, вне всякого сомнения. Он ведь недавно вернулся с Востока.

И наш Сигизмунд тоже много времени провел в Китае и Японии.

ДИКСОН: Что за господин Фандорин?

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Чиновник, состоящий при его сиятельстве московском генерал-губернаторе. Молодой, но очень на виду.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Рассказывают, будто бы после какой-то трагической истории он долго жил на востоке и превратился в совершенного азиата!

ЯН: Ну и где он, ваш азиат? (*Нотариусу.*) Вы ему писали?

СЛЮНЬКОВ: Разумеется. И получил уверение, что господин Фандорин приедет. Однако коляска, отправленная к московскому поезду ещё утром, не вернулась, а теперь уже вечер...

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Фаддей, кто поехал к поезду?

ФАДДЕЙ: А?

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Кто поехал к поезду?

ФАДДЕЙ: Это я, ваше превосходительство, не могу знать. Я при барине-покойнике в камердинерах состоял. А про лошадей ничего не знаю, не моя плепорция. Если насчёт провизии распорядиться или счета проверить, прислугу нанять либо уволить, это ко мне. И чтоб порядок в доме был, это тоже я...

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Ну хорошо, хорошо! А по лошадям у вас тут кто?

ФАДДЕЙ: Это смотря по каким лошадям. Если по барским — одно, по хозяйственным — другое.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ (*теряя терпение*):
На которых поехали встречать господина Фандорина?

ФАДДЕЙ: На барских. Он же барин. Это вот по Аркашиной части.

АРКАША (*кланяясь*): Так точно, по моей-с. Я при почившем нашем благодетеле в лакеях состоял-с, для всякой личной и даже конфиденсной надобности. И насчёт экипажей, и в смысле гардероба, и гигиены организма — всё я-с, потому как специально обучен и все сии премудрости превзошёл.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: До чего ж вы все говорливы! Если ты «насчет экипажей», то почему не поехал встречать?

АРКАША: Как можно-с? Столько дорогих гостей. Одному Фаддей Поликарпычу с Глафирой не управиться. Я кучера Митяя снарядил. Он хоть человек глупый, даже, антр-ну, полный дубина-с, но до станции, надо думать, не заплутает.

Горничная Глаша прыскает.

ЯН: Значит, не приехал ваш «азиат». А дубина Митяй, чем обратно воротиться, будет теперь до скончания века на станции сидеть.

АРКАША: Это очень возможно-с. Потому совсем глупый человек.

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Ну так и бес с ними, с разъяснениями. Дайте посмотреть, что за предмет достался моему сиротинушке.

ЯН: Да уж, давайте поскорей кончим с этим балаганом.

СЛЮНЬКОВ: Я должен следовать полученной инструкции, но раз господин Фандорин не приехал... И если такова воля наследника...

ЯН: Такова, такова. Давайте веер, где он у вас?

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Ян, принеси ко-
ньячку, душа горит!

Ян делает вид, что не слышит.

СЛЮНЬКОВ: Как угодно. (Слугам.) Внесите!

*Фаддей и Аркаша выходят и тут же возвраща-
ются, с трудом неся большой сундук.*

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Ничего себе веер!

СЛЮНЬКОВ: Ключи должны находиться у
камердинера покойного.

*Фаддей торжественно снимает с шеи и пока-
зывает всем кольцо с ключами. Передает его Слюнь-
кову. Все, затаив дыхание, наблюдают за действи-
ями нотариуса. Он отпирает сундук, подаёт знак
слугам. Они вынимают из сундука металлический
несгораемый ящик. Нотариус открывает один за
другим три замка, каждый своим ключом. Из ящи-
ка нотариус извлекает длинную узкую шкатулку.
Из шкатулки нечто, обёрнутое узорчатым шёлком.
Внутри — картонный футляр. Из футляра, на-
конец, появляется сам веер. Он большой, надорван-
ный в нескольких местах. С одной стороны чёрный,
с другой белый. На белой стороне китайский иерог-
лиф «солнце», на чёрной — иероглиф «луна».*

СЛЮНЬКОВ: Вот... Прошу...

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ (принимая и рас-
терянно разглядывая веер): Дранье какое-то! Ему
красная цена полтинник!

ФАДДЕЙ: И то — страмота. Нехорошо. Я сколько разов говорил барину — дайте починю. Картонку аккуратненько снять, бумажечкой папирсной подклеить, и будет вещь. Хошь — на стенку вешай, хошь — личность обмахивай. А они только ругались, дурнем старым обзывали. Руки сулились оборвать... *(Бормочет что-то и дальше, но его уже никто не слушает.)*

ДИКСОН: Позвольте-ка... Я немножко разбираюсь в таких вещах... О, сударь, вы не правы. Это старинная вещь. Любитель восточной antique даст хорошие деньги. Думаю, рублей пятьсот, а то и тысячу.

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Тысячу рублей? За это? И вы знаете таких идиотов?

ЯН: Папаша, тут не место и не время для торговых сделок.

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Помолчи, ты ничего не понимаешь в коммерции. Ты несовершеннолетний. Я как опекун должен позаботиться о твоих интересах. Тысячу рублей я помещу в банк, под проценты... Сам спасибо скажешь. Потом. Когда вступишь в эти... в права наследства. Лучше сходи за коньяком. Полцарства, то бишь полвеера за мою фляжечку!

ДИКСОН: Как врач, скажу: немного alcohol вредить не может.

ЯН: Отец, веер завешан мне!

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Не мешай, я действую в твоих же интересах. Ну же, неси коньяк!

ЯН: Как вы мне надоели! Да хоть до смерти упейтесь, мне-то что!

Сердито идёт к выходу.

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ (*ему вслед*): Сын мой, золотое сердце! И лимончик! У меня там на блюдечке ломтики порезаны! (*Диксону*.) Так знаете идиота или нет?

ДИКСОН: Одного collectioner знаю, в Москве. Могу попробовать.

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Буду нижайше признателен! Тысяча рублей меня, знаете ли, очень бы... И вам процентиков десять дам, слово дворянина!

ДИКСОН (*продолжая рассматривать веер*): Я врач, а не комиссионер. Всё, что даст мой знакомый, достанется вам. А вещь, я смотрю, в самом деле интересная. Who knows, может быть, удастся получить больше.

Возвращается Ян. Он уже без кролика, несёт плоскую стеклянную флягу.

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Так забирайте его! Покажите вашему коллекционеру. Верю вам, как сыну благородного Альбиона, что не обманете несчастного мизерабля! Янчик! Дай, дай её сюда! (*Жадно хватает у сына флягу*.) А лимончик? Про лимончик забыл?

ЯН: Вылакаете и без лимончика.

Казимир Иосифович пьёт.

ЯН (*отходя к Инге*): Последние мозги пропивает! А достоинство давно уж пропил! Сейчас налижется, ему в последнее время двух капель довольно, и начнёт паясничать!

ИНГА: Не начнёт. Положись на меня.

Инга подходит к дяде, ласково забирает у него флягу и веер, кладёт флягу на стол, веер остаётся у неё в руке.

ИНГА: Дядя Казик... Помните, я когда-то вас так называла?

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: Как же, помню... А себя называла «Инь», не могла «Инга» выговорить. Ты и в семь лет была роковая женщина, а теперь и вовсе — смотреть больно. Бедные мои глаза! Слепнут от такой красоты. *(Делает попытку дотянуться до фляги, но Инга не даёт. Дядя целует ей ручку, снова пробует цапнуть флягу, и опять безуспешно.)* Вся в маменьку! Та была крррасавица — сердце замирало. Да и сейчас ещё очень даже... *(Подмигивает Лидии Анатольевне и посылает ей воздушный поцелуй.)*

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Станислав! Огради меня от комплиментов этого фигляра!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Казимир! Я выставлю тебя за порог!

КАЗИМИР ИОСИФОВИЧ: О! О! Уже вступил в права наследства! Ты родного брата ещё собаками затрави!

ИНГА: Дядя Казик, ну что вы! Поместье это теперь моё, а я вам всегда рада. Мы все родные, все друг друга любим. Но зачем вы дразните маму? *(Разворачивает веер наполовину, шутливо бьёт дядю чёрной стороной по плечу.)*

За окном близкий раскат грома, вспышка.

Казимир Борецкий вдруг хватается за горло, выпучивает глаза, из его груди вырывается хрип. Он падает. Инга пронзительно вскрикивает. К нему бросаются, поднимают. Слышен звон дверного колокольчика — никто не обращает внимания, кроме Фаддея. Он оборачивается на звук, выходит.

ДИКСОН: Похоже на удар! Вон туда, к креслу!
Казимира Иосифовича относят и усаживают в кресло, находящееся в глубине сцены, у окна.

ДИКСОН (проверяя пульс): Oh my God... Мёртв!
Лидия Анатольевна вскрикивает. Глаша с визгом отскакивает от мертвеца. Инга явно потрясена. Бросает веер на стол, присоединяется к остальным. Все суетятся, мечутся. Диксон и Ян склонились над умершим.

ЯН (поднимает отцу веко): Коллега, по-вашему, это insultus apoplecticus?

ДИКСОН: Judging by symptoms скорее infarctus miocardе, коллега.

ЯН: Бедный старый шут...

ИНГА: Не сейчас, Ян! Хотя сейчас так не говори!

Входит Фаддей.

ФАДДЕЙ (зычно): Чиновник особых поручений при генерал-губернаторе господин Фандорин!

Не сговариваясь, все встают так, что заслоняют кресло с мертвецом, будто застигнутые на месте преступления, и разом поворачиваются к двери.

Вновь происходит подобие немой сцены.

3. Явление героя

Входит Фандорин. Он в чёрном сюртуке, цилиндре, одна рука на чёрной перевязи, закованная в гипс.

ФАНДОРИН: Господа, прошу п-простить за опоздание.

Снимает цилиндр, передаёт слуге, слегка кланяется.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Ах да, инструкция! Последняя воля Сигизмунда!

В группе застывших движение.

СЛЮНЬКОВ: Эраст Петрович, мы ждали вас утром.

ФАНДОРИН: Я и приехал утром, московским поездом. Но в дрожках переломилась ось. Кучер сильно расшибся, он в больнице. Я вот тоже п-пострадал, сломана рука — пришлось наложить гипс. Лишь мой слуга остался невредим — прыгуч, как мячик. *(Оборачивается, повышает голос.)* Маса, доко да?

Входит Маса с саквояжем в руке. Он одет в смешанном европейско-японском стиле: например, чёрное кимоно в сочетании с шляпой-канотье.

МАСА *(ставя саквояж и церемонно кланяясь)*: Господа, добрый день.

ИНГА: Здравствуйте. Вы, должно быть, китаец?

МАСА *(Фандорину)*: Ано ката ва нани-о имасита ка?

ФАНДОРИН: Нет, сударыня. Маса — японец. Он не очень хорошо понимает по-русски. Ещё не выучился, но старается. Каждый день выписывает из словаря по двадцать русских слов, но пока дошёл только до б-буквы «Д».

МАСА: Доворьно дурацкая дорога. Борьшие буераки. Дрозьки дрянь. *(Снова кланяется. Косится на Глашу. Вдруг подбрасывает канотье, которое несколько раз переворачивается в воздухе и опускается ему на макушку.)*

ФАНДОРИН: Маса, ямэтэ окэ! Извините, господа. Маса в последнее время увлекается фокуса-

ми. (*Замечает веер на столе, подходит.*) Невероятно! Всё-таки раздобыл! Настырный был господин — ох, ради бога, п-простите.

МАСА: Хо! Хонто дэсьта! Данна, иньё-но-сэнсу! (*Молитвенно складывает руки, кланяется ещё ниже.*)

В группе стоящих у кресла шевеление: пользуясь тем, что Фандорин и Маса поглощены созерцанием веера, они переглядываются, как бы безмолвно дискутируя, следует ли обратить внимание чиновника на мертвеца. Нотариус жестом показывает: не сейчас, позже.

СЛЮНЬКОВ: Господин Фандорин, покойный Сигизмунд Иосифович просил вас прибыть сюда в этот печальный день и, так сказать, разрешить законное недоумение наследников относительно этого странного предмета.

ФАНДОРИН: Ах, вот оно что. А я, признаться, не мог понять... Мы ведь с господином Борецким почти незнакомы. Виделись всего однажды. Это было ровно год назад.

ЯН: Но год назад дядя был в Японии.

ФАНДОРИН (*всё ещё поглощённый созерцанием веера*): Я, представьте, тоже. Служил в д-дипломатическом представительстве. Имел с господином Борецким любопытнейший разговор. Кажется, он был коллекционером, причём из страстных?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: О да! Сигизмунд был большим оригиналом. Он нажил миллионы на железных дорогах, но столько тратил на свои причуды! Ещё неизвестно, много ли денег после него осталось.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ (*поспешно*): Разумеется, брат имел полное право распоряжаться капиталом по собственному усмотрению.

ЯН: Так что у вас с ним был за разговор?

ФАНДОРИН: В Иокोगаму он приплыл из Китая. Долго искал там эту реликвию и выяснил, что она ещё триста лет назад попала в Японию, хранится в одном тамошнем монастыре. Ко мне господин Борецкий обратился по совету нашего посланника. Видите ли, я в посольстве слыл совершенно объапонившимся субъектом. У меня имелись обширные знакомства в т-туземных кругах. Знал я и настоятеля того монастыря. Помню, меня поразила ажитация, в которой пребывал господин Борецкий. Когда он говорил о веере, у него дрожал голос. Насколько я понял, за веером охотились коллекционеры разных стран, и Сигизмунд Иосифович очень боялся, что его опередят. В Китае он приобрел святыню — свиток, имеющий для монастыря огромную ценность. Господин Борецкий надеялся, что монахи согласятся обменять веер на этот свиток. Я написал отцу настоятелю рекомендательное письмо. Вижу, что обмен состоялся.

ИНГА: Но что же в этом веере такого ценного? Он очень древний?

ФАНДОРИН: Да. Но дело не только в этом. Этот веер, видите ли, волшебный.

Звучит МТВ¹.

ЯН: Так и знал, что какая-нибудь чушь.

¹ Музыкальная тема волшебства, которая будет звучать всякий раз, когда действие принимает мистический оборот.

ИНГА: Волшебный?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: В самом деле?

Все приближаются к столу.

ФАНДОРИН: Во всяком случае, так г-гласит предание. Вы позволите? *(Осторожно берёт веер, разворачивает. Читает иероглиф с белой стороны.)* «Ян».

ЯН *(вздвигнув)*: Что? Простите, разве мы знакомы?

СЛЮНЬКОВ: Ах, господин Фандорин. Это моя вина. Я должен вас познакомить. Это Ян Казимирович Борецкий, племянник покойного. Веер завещан ему. Станислав Иосифович, брат покойного. Лидия Анатольевна, его супруга. Инга Станиславовна, их дочь. Мистер Диксон, Роберт Андреевич — домашний доктор. Там слуги: камердинер Фаддей, личный лакей... м-м-м... Аркадий. Это вот горничная... Как тебя, милая?

ГЛАША: Глаша.

Фандорин наклоняет голову, приветствуя каждого, в том числе и слуг.

СЛЮНЬКОВ *(неопределённо показав на кресло)*: В кресле — другой брат покойного, Казимир Иосифович, собственно, тоже... Кхм, кхм... *(Закашливается. Станислав Иосифович и Лидия Анатольевна загораживают кресло от Фандорина.)*

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Ах, ну хватит представлений! Рассказывайте же! Что это за значок?

ФАНДОРИН *(поклонившись и креслу)*: Это иероглиф «ян». Он обозначает солнце, мужское начало и вообще всё светлое, созидательное и, так сказать, п-позитивное. Видите ли, у древних

китайцев бытовало странное з-заблуждение, что всё добро происходит от мужчин, а всё зло от женщин.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Дикарство какое!

ФАНДОРИН: Совершенно с вами согласен, Лидия Анатольевна. А вот это (*переворачивает веер чёрной стороной*) — иероглиф «инь». Он обозначает луну, а вместе с нею женщину, то есть, по мнению китайцев, начало печальное и разрушительное. Всё в точности, как описывал господин Борецкий. (*Вертит веер то одной стороной, то другой.*) Согласно преданию, владелец этого магического п-предмета должен сделать выбор: повернуть веер вот так, Добром к себе, а Злом к внешнему миру. Или наоборот, Добром к внешнему миру, а Злом к себе. В первом случае твои желания исполнятся и твоё существование улучшится, но ухудшится окружающий мир. Во втором случае — мир изменится к лучшему, но за счёт того, что станет хуже тебе. Потому-то веер столько веков и хранился преимущественно в монастырях и у отшельников. Эти святые люди не боялись причинить себе зло — лишь бы мир стал лучше. Легенда гласит, что, когда веер попадал к человеку корыстному, тот достигал огромного богатства и славы, но в мире от этого происходили войны, эпидемии и стихийные бедствия. Такая вот с-сказка. Однако отец настоятель — человек современный и просвещённый, в сказки не верит. Должно быть, потому и согласился на обмен.

СЛЮНЬКОВ: Просто раскрыть и всё?

ФАНДОРИН: Нет. Нужно взмахнуть веером слева направо восемь раз, вот так. (*Показывает.*)

Ах да, при этом, кажется, ещё нужно восемь раз пропеть «Сутру Лотоса».

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: А что это за сутра? Какая-нибудь тайная?

ФАНДОРИН: Нет, в Японии её знает каждый ребенок. «Доверяюсь Сутре Благого Лотоса» — вот и вся сутра. По-японски она звучит так: «Нам-мёхо-рэнгэ-кё».

СЛЮНЬКОВ: Как-как? Помедленней, пожалуйста.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ (*доставая записную книжку*): Если можно, по буквам.

ФАНДОРИН: Нам-мёхо-рэнгэ-кё.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА (*с трудом*): Нам-мёхо-рэнгэ-кё.

ИНГА: Нам-мёхо-рэнгэ-кё.

ФАНДОРИН: Да, только нужно нараспев. Вот так. (*Машет веером, повернув его к окружающим «яном», и поет.*) «Нам-мёхо-рэнгэ-кё. Нам-мёхо-рэнгэ-кё. (*Маса подхватывает, сложив ладони и раскачиваясь. Получается речитатив в два голоса.*) Нам-мёхо-рэнгэ-кё. Нам-мёхо-рэнгэ-кё. Нам-мёхо-рэнгэ-кё. Нам-мёхо-рэнгэ-кё...»

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Это уже шестой!

СЛЮНЬКОВ (*поспешно*): Довольно! (*Отбирает у Фандорина веер, складывает его и кладёт на стол.*)

Маса почтительно укладывает веер в футляр.

ЯН: Сумасшедший дом.

ФАНДОРИН: Не беспокойтесь, господа. Чары действуют, только если эту м-манипуляцию производит «избранник веера», то есть его законный владелец. (*С улыбкой Яну.*) Полностью разделяю

ваш нигилизм, господин студент. Всё это чушь. Трудно поверить, что Будда до такой степени чтит институт частной собственности. В этой легенде вообще много нелепостей. Например, считается, что веер являет собой смертоносное оружие, и не только в руках законного владельца. Я вижу, Сигизмунд Борецкий отнёсся к этому всерьёз и принял меры предосторожности. (*Показывает на несгораемый ящик.*)

ЯН: И какая же, интересно, тут может быть опасность? Воспаление легких от чрезмерного махания?

ФАНДОРИН: Считается, что, если веер раскрыть до половины и шлёпнуть кого-нибудь белой стороной, этот человек помолодеет и поздоровеет. Если же ударить чёрной стороной, человек упадёт мертвым...

Инга без единого звука падает.

ЯН: Что... что с тобой?!

Все бросаются к упавшей.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Боже! Боже! Неужто... Опять?! Нет!

ДИКСОН (*он приставил к груди Инги стетоскоп*): Quiet, please... Обыкновенный обморок.

Даёт Инге нашатыря. Она открывает глаза.

ИНГА: Я шлёпнула его!

ЯН: Бредит.

ИНГА: Я шлёпнула его веером! Чёрной стороной!

Возникает МТЗ¹.

¹ Музыкальная тема злодейства — она будет звучать всякий раз, когда происходит преступление.

ЯН: Чёрт, а ведь правда!

Особенно громкий удар грома. Гаснет свет.

Глаша визжит.

ГОЛОС ЛИДИИ АНАТОЛЬЕВНЫ: Господи, что это?!

ГОЛОС ЯНА: Перепад напряжения.

ГОЛОС СТАНИСЛАВА ИОСИФОВИЧА: Какого ещё напряжения? При чём здесь напряжение?

ГОЛОС ЯНА: Это электрический термин. Слишком близко ударила молния. Я схожу к электро-распределительному ящику, сейчас исправлю.

ГОЛОС ФАДДЕЯ: Господи, жили, горюшка не знали. Пойти, свечки принести.

ГОЛОС ФАНДОРИНА: Раз доктор курит, можно ли и мне?

ГОЛОС ЛИДИИ АНАТОЛЬЕВНЫ: Да-да, курите... Господи, как я боюсь темноты! Да ещё когда в комнате...

ГОЛОС СТАНИСЛАВА ИОСИФОВИЧА: Хм!

Вспыхивает спичка — это Эраст Петрович раскуривает сигару.

ФАНДОРИН (*видно часть его лица, подсвеченную огоньком сигары*): Я ответил на ваши вопросы. Теперь прошу ответить на мой. От чего умер г-господин, что сидит в кресле у окна?

ГОЛОС СЛЮНЬКОВА: Так вы заметили!

ФАНДОРИН: Разумеется.

ГОЛОС ИНГИ: Он умер оттого, что я шлёпнула его веером!

ГОЛОС ДИКСОНА: Nonsense! Уверяю вас, господин Фандорин, смерть произошла от инфарктус.

ФАНДОРИН: Вы совершенно в этом уверены?

ГОЛОС ДИКСОНА: Я тридцать лет практикую. Классический случай.

Входит Фаддей с канделябром в руке. Сразу вслед за этим вспыхивает свет.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Слава Богу!

ФАДДЕЙ: А пускай будет, так оно верней.

Несёт канделябр к столу.

Входит Ян.

ЯН: Ну вот, прогресс восторжествовал над тьмой.

ФАДДЕЙ (*трясущимся пальцем показывает на стол*): Веер! Батюшки, веер!

Веера на столе нет.

Все бросаются к столу. Одновременно кричат:

ДИКСОН: It's stolen!

ЯН: Чёрт!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Какой скандал!

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Мистика!

СЛЮНЬКОВ: Господа, моё ответственное хранение завершилось! Вы свидетели!

МАСА: Тикусё!

Глаша просто визжит.

ИНГА: Это нехорошо! Это стыдно! Отдайте веер! Он теперь принадлежит Яну! У него кроме этого веера ничего нет!

ЯН: Перестань! Разве тот, кто украл, вернёт?

ФАНДОРИН: (*дождавшись, пока наступит тишина*): Господа, по роду служебной деятельности я представляю генерал-губернатора во всех важных делах, требующих вмешательства полиции. Здесь без расследования не обойтись. Скоропостижная смерть при странных обстоятельствах. Это

раз. Похищение предмета, обладающего огромной ценностью. Это два. Необходимо вызвать исправника.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Зачем нам полиция? Произвести вскрытие (*кивает в сторону трупа*) и определить причину смерти может и доктор Диксон, а что до похищения, то ведь это совершенно семейное дело... Хотелось бы избежать огласки.

ЯН: А ещё больше хотелось бы найти веер, раз он такой ценный!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Разумеется, Ян, разумеется. Позволь мне договорить. Про господина Фандорина рассказывают истинные чудеса. Будто вы, Эраст Петрович, способны вмиг распутать самое хитроумное преступление.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Да! Вся Москва про это говорит!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Так, может быть, вы согласились бы нам помочь. Для сохранения репутации семьи... Я занимаю видную должность в попечительстве, и мне совершенно ни к чему... Может быть, вы сами проведёте это небольшое, так сказать, внутрисемейное расследование? Уверен, что при вашем аналитическом таланте, это большого труда не составит. А мы все будем оказывать вам содействие. Не правда ли?

Присутствующие, всяк по своему, выражают согласие.

ФАНДОРИН: Хорошо, господин Борецкий, я попробую. Раз уж я здесь оказался. Доктор, вы в самом деле можете произвести вскрытие?

ДИКСОН: Я единственный врач на вся округа. И зубы дергаю, и роды принимаю, иногда даже коровы лечу. А вскрытие по просьбе полиции делал много раз.

ФАНДОРИН (*показывает на флягу*): Что это?

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Коньяк. Казин.

ФАНДОРИН: Покойный отсюда пил?

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Да.

ДИКСОН: Вы хотите, чтобы я проверил contents?

ФАНДОРИН: Да. Если у вас есть необходимые реактивы.

ДИКСОН: Есть. Проверю. (*Кладёт флягу в карман. Обращается к слугам.*) Эй, несите его в чулан.

Фаддей и Аркаша несут тело через гостиную в правую часть сцены, закрытую занавесом. Все кроме Фандорина, Масы, Инги и Яна инстинктивно отворачиваются. Из кармана Казимира Борецкого выпадает сложенная бумажка. Фандорин подбирает её, рассеянно заглядывает и столь же небрежно кладёт себе в карман. Инга с Яном видят это, переглядываются, но ничего не говорят.

ФАНДОРИН: Господа, мне нужно будет поговорить с каждым наедине. Ян Казимирович, если позволите, я бы начал с вас. Только отдам кое-какие распоряжения слуге.

Отводит Масу в сторону, что-то ему говорит.

МАСА: Хай... Хай. Касикомаримасита.

Все кроме Фандорина и Яна выходят

4. Доктор ошибся

Фандорин и Ян.

ЯН: Ну, и объясните мне, пожалуйста, советник невероятных поручений, почему вы решили начать расследование именно с меня? Я единственный, кому незачем красть веер, он теперь и так принадлежит мне. Пошутила надо мной фортуна, нечего сказать! Дядюшка намекал-намекал, что осчастливит в завещании. И осчастливил! Капитала никакого не оставил, только бумажную махалку, так теперь и ту, что называется, утибрили. Вы тоже хороши, господин аналитический талант. Зачем было отпускать эту публику? Нужно было устроить обыск. Наверняка веер у кого-то из них на пузе припрятан!

ФАНДОРИН: Обыск унизителен и для обыскиваемого, и для обыскивающего. Это раз. Для произведения обыска требуется санкция д-дознательного органа. Это два. К тому же похититель мог в темноте преспокойно вынести веер из гостиной и вернуться обратно. Это три.

Откуда-то доносится звук гитары, наигрывающей что-то томное.

ЯН: Кто украл веер? Кто? Дядя Станислав? Этому пауку мало движимого и недвижимого! Он у себя в присутствии взятки берёт, все знают! Доктор? Вряд ли. Хотя чёрт их, англичан, знает. Денег они не украдут, потому что это не комиль-фо, а диковину могут, хоть бы из спортивного интереса. Нотариус? Ах нет, я знаю! (*Хвата-*

ет Фандорина за сломанную руку, тот вскрикивает.) Извините, извините... Послушайте, особый чиновник, это тётушка! Ну конечно! Эта сорокаворовка тащит всё, что блестит. Волшебный веер, исполняющий желания — это как раз в её духе! Надоело ей быть столбовою дворянкой, хочет стать вольною царицей или кем там, владычицей морскою! Идёмте скорее к ней в комнату, пока она его куда-нибудь не запрятала!

ФАНДОРИН: На каком, собственно, основании? Лишь на том, что вы подозреваете Лидию Анатольевну в стремлении стать владычицей морскою?

ЯН: Да кто кроме этой пудреной дуры мог поверить в магические свойства куска бумаги! Про владычицу морскую это я иносказательно. Я знаю, чего она от веера хочет — молодости и красоты! Да вы не улыбайтесь, я вам точно говорю! Папаша говорил про тётку: «Если дьявол предложит этой ханже верное средство от морщин, она отдаст душу не задумываясь. И правильно сделает. Каким была бутончиком, каким эклерчиком. Увы, лепестки завяли, крем прокис». Покойник, конечно, был пошляк, но женщин понимал.

ФАНДОРИН: Я вижу, вы не слишком огорчены смертью отца.

ЯН: Ни капли. И не считаю нужным прикидываться. Жил грешно и умер смешно, опекуном бумажного веера. *(Хватается за голову.)* Я тоже хорош! Что мне дался этот веер! Да пропади он пропадом! Даже если веер стоит не тысячу, а три тысячи, этим папашиных долгов не окупишь.

ФАНДОРИН: Откуда вы взяли, что веер стоит тысячу рублей?

ЯН: Доктор Диксон давеча говорил. Обещал отцу найти покупателя.

ФАНДОРИН: Доктор ошибся. Знающий коллекционер выложит за веер сотни тысяч, а то и м-миллион.

ЯН: М-миллион? Мил-ли-он?! Подлец! Пройдоха!

ФАНДОРИН: Кто?

ЯН: Дядя Сигизмунд, кто ж ещё! Любитель дешёвых эффектов! Почему не объяснить всё толком? А если б вы не приехали? Я отдал бы веер за гроши! Послушайте, особый порученец, помогите мне найти эту штуку! О, как бы мне пригодился миллион! Я не то что с бациллой Николайера, я бы и с палочкой Коха расправился! Весь дом переверну, но найду!

Возбуждённый, уходит.

Занавес в левой половине закрывается, в правой открывается. Одновременно слышится пение.

5. Треугольник

Аркаша и Глаша.

АРКАША (*играет на гитаре и поёт*):

Когда бы был я мотылёчек,
По небу бабочкой порхал,
Я полетел бы к вам, дружочек,
И с вами счастья искал.

Я полетел бы, полетел бы,
Ах, моя девица-краса,
И прямо в фортку к вам влетел бы,
Присел на ваши волоса.

А вы, жестокая, зевая,
Чуть покривив свой чудный лик,
Меня прихлопнули б, не зная,
Кого стубили в этот миг.

ГЛАША: И никогда бы я так с вами не поступила, Аркадий Фомич, а совсем напротив.

АРКАША (*перебирая струны*): Это же стихи-с, понимать нужно. Химера-с. В настоящей жизни, Глафира Родионовна, как бы я вам на волоса сел? У вас, пожалуй, и шея бы треснула.

ГЛАША (*прыснув*): Это правда, мужчина вы статный. Но ещё лучше внешности я ваши песни обожаю. Как это вы ловко стихи складаете! Мне про мотылёчка ужас как нравится!

АРКАША: Про мотылёчка это пустяки-с. Я вот вам про азиатскую любовь спою.

Играет на гитаре, готовясь петь. В это время справа из-за кулисы появляется Маса. Церемонно кланяется. Аркаша перестает играть.

ГЛАША (*шёпотом*): Глядите, японский китаец! Отчего у них глаза такие злые и узкие?

АРКАША (*громко*): Насчёт ихних глаз наука объясняет, что это они, азиаты-с, всю жизнь от своего коварства щурятся, так что со временем делаются вовсе не способны на людей честным манером-с глазеть. Ишь, как он на вас, Глафира Родионовна, уставился.

ГЛАША: Боюсь я его!

Прячется за Аркашу.

АРКАША: Со мною чего же вам страшиться-с?
(Маса.) Ну, х́дя, чего тебе? Не видишь, мы с девицей беседу ведём?

Маса достаёт из кармана тетрадь с выписанными словами. Тетрадь представляет собой свиток рисовой бумаги (которую Маса в разных ситуациях использует по-разному: то напишет что-то, то оторвёт кусок и высморкается, и прочее). Маса быстро отматывает изрядное количество бумаги.

МАСА: Девицей, беседу, ведём. (Кивает. Сматывает свиток обратно.) Добрая девица, давай дружить. (Показывает на гитару.) Гитара. Дай. Будешь... будет... буду... буду громко горосить.

АРКАША: Чево?

ГЛАША: Голосить, говорит, буду. Это по-ихнему, должно быть, значит «петь желаю». Дайте ему гитару, Аркадий Фомич.

Маса с поклоном берёт гитару, садится на корточки, гитару кладёт на колени наподобие японского кото.

МАСА: Нани га ии ка на... (Щиплет струны и громко поёт, зажмурив глаза.)

Сакэ ва номэ, номэ, ному нараба!
Хи-но мото ити-но коно яри-о!
Номитору ходо-ни ному нараба,
Корэ дзо мо кото-но Курода-буси!

Номитору ходо-ни ному нараба,
Корэ дзо мо кото-но Курода-буси.
Корэ дзо мо кото-но Курода-буси!

Под пение Масы правая часть занавеса закрывается, левая открывается.

6. *Милая девушка*

Фандорин и Инга.

ИНГА: Нет, я ничего не заметила. Знаете, когда горит яркий свет, а потом делается совсем-совсем темно, становишься будто слепой. Пропажав веера — это, конечно, ужасно. Но ужасней всего, что из-за этого веера все забыли о дяде Казике. Конечно, в последние годы он сильно опустился, стал нехорош. Если б вы знали его прежде! Когда я была маленькой девочкой, он часто у нас бывал. Как залиvisto он смеялся! Какие чудесные приносил подарки! Один раз принес сиамского котенка... *(Всхлипывает.)* А потом они с папой поссорились, и в следующий раз я увидела дядю лишь в прошлом году, уже совсем другим: облезлым, вечно пьяненьким... Как здесь душно!

ФАНДОРИН: Это из-за грозы. Хотите, я открою окно?

ИНГА: Да, пожалуйста.

Фандорин открывает окно и возвращается. Шум дождя и раскаты грома становятся слышней.

ФАНДОРИН: Из-за чего ваш отец поссорился с Казимиром Иосифовичем?

ИНГА: Я не знаю. Мне тогда шёл восьмой год. Они больше десяти лет потом не разговаривали.

ФАНДОРИН: Значит, вы с вашим кузеном, Яном Казимировичем, росли поврозь?

ИНГА: Мы часто играли вместе в раннем детстве. Он был толстый, неуклюжий мальчик, всё ловил каких-то жуков, я их боялась. Когда я увидела его вновь, студентом, то не узнала. Он стал такой... Такой не похожий на других. Ян может показаться грубым и даже циничным, но это только видимость. Просто он твёрдо решил не размещать жизнь на пустяки, ставить перед собой только великие цели. Он университет бросил, хотя шёл на курсе первым. Говорит, жалко время тратить. Они, говорит, дали мне всё, что могли, дальше я сам. Сейчас у него цель — победить Николэера.

ФАНДОРИН: К-кого?!

ИНГА: Столбнячную бациллу. Я теперь всё-всё про неё знаю. Хотите, расскажу?

ФАНДОРИН: Расскажите.

Звучит музыка, левая часть занавеса закрывается, правая открывается. Доносится смех Глаши.

7. Русско-японский конфликт

Маса, Аркаша и Глаша.

ГЛАША (звонко смеясь и хлопая в ладоши): Ой! А ещё! Ещё! Масаил Иванович, ну пожалуйста!

Маса показывает фокусы. Снимает канотье, из-под шляпы вылетает облачко цветного дыма. Глаша восторженно визжит. Маса с невозмутимым видом показывает ей ладони, переворачивает их, снова показывает. В каждой руке по цветку.

ГЛАША: Лютики! Мерси!

Маса делает руками пассы и достаёт у Глаши из уха конфету. Церемонно поклонившись, вручает девушке.

ГЛАША: Шоколадная! Обожаю!

АРКАША (*ревниво*): Я вам, Глафира Родионовна, могу таких цельную коробку преподнести.

ГЛАША (*хихикая*): Коробка у меня в ухе не поместится.

АРКАША (*Масе*): А я вот в газете читал, будто японцы на деревьях проживают, навроде макак.

Маса вежливо кланяется.

АРКАША (*показывает*): Деревья. Ветки. Прыг-скок. (*Смеётся.*)

МАСА: Деревья, ветки — да. «Прыг-скок» — нет.

АРКАША: Сваливаетесь, что ли? Так хвостом цепляться надо. У вас косорылых непременно должен хвост быть. (*Смеётся.*)

ГЛАША: Аркадий Фомич, зачем вы их дразните?

МАСА: Нани-о иттеру ка на... Господин Аркася, давать вопрос.

АРКАША: Чево?

МАСА: Давать вопрос.

ГЛАША: Аркадий Фомич, вроде они вас спросить хотят.

АРКАША: Я по-мартышьи понимать не обучен.

МАСА (*вежливо поклонившись*): Господин Аркася, вы готовить дрозьки?

АРКАША: Чево?

ГЛАША: Это он спросил, вы ли дрожки готовили. (*Масе.*) Которые? На которых ваш бариин расшибся? (*Показывает руку на перевязи.*)

МАСА: Да, барин. Дрозьки дрянь.

ГЛАША: Аркадий Фомич дрозьки снаряжали. Они у нас по лошадям самые главные. Митяй-то одно прозвание что кучер. Дурачок совсем. И запрячь толком не может.

АРКАША: Что вы врёте, Глафира Родионовна? Сам Митяй дрозьки готовил, мне недосуг было! Если б я, то всенепременно бы ось проверил!

ГЛАША: Да как же... *(Умолкает, напуганная выражением лица Аркаши.)*

МАСА *(кивнув)*: Дрозьки готовить господин Аркася.

АРКАША: Я тебя, макаку, сейчас назад на ветку загоню.

Засучивая рукава, идёт на Масу.

ГЛАША: Аркадий Фомич, грех вам! Вы ихнего вдвое здоровее!

Аркаша с размаху бьёт кулаком, Маса легко уходит от удара. Происходит короткая драка, в которой маленький японец при помощи джиуджицу одерживает над верзилой-лакеем полную викторию. Драка сопровождается Глашиными взвизгами — вначале испуганными, потом восторженными. Посрамлённый Аркаша, вскочив, убегает. Под звуки японского императорского гимна занавес справа закрывается, слева открывается.

8. Семейная сцена

Фандорин и Лидия Анатольевна. В одном из открытых окон появилась тень — её видно, когда вспыхивает очередная зарница. Зрители эту тень или не заметят вовсе, или через некоторое время перестанут обращать на неё внимание, поскольку она неподвижна.

ФАНДОРИН: Лидия Анатольевна, и всё же: как вы относились к покойному Казимиру Борецкому?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Какое это имеет значение? Он умер, теперь пускай Бог будет ему судьёй.

ФАНДОРИН: Умер ли?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Простите?

ФАНДОРИН: Я хочу сказать: умер или убит?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Да что вы такое говорите?!

ФАНДОРИН: Согласитесь, обстоятельства его кончины необычны. Скоропостижная смерть сразу после оглашения завещания всегда выглядит подозрительно. Особенно, если учитывать последующую кражу веера.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Да он умер у нас на глазах! Выпил коньяку, или что там у него было, сказал какую-то очередную пошлость и упал! Его не зарезали, не застрелили!

ФАНДОРИН: Быть может, отравили?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Какая нелепость! Зачем? Кому нужно убивать жалкого, спившегося голодранца?

ФАНДОРИН: Г-голодранца? А кучер, который так неудачно вёз меня со станции, рассказывал, что Казимир Борецкий прикатил первым классом и в вагоне его сопровождал цыганский хор.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Старый кутила! Он, кажется, говорил, что занял пять тысяч.

ФАНДОРИН: Да кто бы одолжил такому человеку целых пять тысяч без верных гарантий?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА (*смешавшись*): Откуда же... откуда же мне знать!

ФАНДОРИН: Разумеется. Тогда позвольте о другом. Мне известно, что много лет назад между вашим мужем и Казимиром Борецким произошёл разрыв. Из-за чего?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Я... Право, не помню... Это было так давно...

ФАНДОРИН: Правда ли, что ваш деверь в своё время был привлекательным мужчиной?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Не в моём вкусе... Слишком вульгарен.

ФАНДОРИН: Да? У него из кармана выпала записка. (*Достаёт записку, читает.*) «Вот твои пять тысяч. Больше ты от меня ничего не получишь. Если не оставишь меня в покое, клянусь, я убью тебя!» Подписи нет. Почерк женский. Он вам не знаком? (*Показывает ей записку.*)

Лидия Анатольевна вскрикивает, закрывает лицо руками.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА (*рыдая*): Я дура! Дура! Я была не в себе! Нужно было просто отправить деньги, и всё!

ФАНДОРИН: Чем он вас шантажировал? Прержней связью?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Да! Станислав чудовищно ревнив. Он когда-то отказал брату от дома. Ему померешилось, будто Казимир за мной ухаживает. О, если бы он узнал, что дело не ограничилось одними ухаживаниями... С годами гордость развилась в нём до астрономических размеров. Во всяком пустяке он видит ущемление своей чести! И Казимир отлично этим воспользовался. Этот негодяй был по-своему очень даже неглуп. И ещё эта злосчастная записка! Хотела припугнуть, а вместо этого дала ему в руки ужасную улику. (*Падает на колени, кричит.*) Господин Фандорин, заклинаю вас! Не говорите Станиславу! Для него это будет страшным ударом. Я... я не знаю, что он со мной сделает! Он так презирал своего брата!

Вбегает Станислав Иосифович.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Лидия! Что такое? Почему ты кричишь? Почему стоишь на коленях? (*Поражённый, пятится и машет рукой.*) Нет! Нет! Неужели... Это ты? Ты его..? Коньяком, да? Коньяком?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА (*вскочив*): Как ты... как ты можешь? Эраст Петрович, я не...

ФАНДОРИН (*остановив её жестом, быстро*): Почему вы допускаете, что ваша жена могла отравить Казимира Борецкого?

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ (*не слушая Фандорина*): Лида, я восхищаюсь тобой!

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Так ты обо всём знал? Все эти годы?

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Нет, я узнал недавно. Месяц назад обнаружил в твоём ридикюле записку, в которой он напоминал тебе о «прошлом безумии» и просил о встрече. Я был сражён! Я... столько вынес! Моя жена! С этим гнусным сатиром! С этим ничтожеством! Какого труда мне стоило не подать вида! Я хотел расквитаться с вами обоими, только не мог придумать, как именно. Но теперь я всё, всё тебе прошу! Ты испустила свою вину!

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Мерзавец! Я боялась, я давала ему деньги! Только бы уберечь тебя от удара! А ты в это время думал, как мне отомстить?!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Как деньги? Какие деньги ты ему давала?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Негодяй! Ты и теперь хочешь меня погубить! Не слушайте его! Эраст Петрович, клянусь, я не убивала Казимира!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Ты давала ему мои деньги? Ах, впрочем, какое это теперь имеет значение! Милая, не отпирайся. Это произведёт плохое впечатление на присяжных. Я найму лучшего адвоката! Спасовича или самого Плевако! У нас теперь довольно для этого средств! Весь зал будет рыдать, тебе вынесут самый мягкий приговор! Или вовсе оправдают.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: А ты со мной разведёшься на законном основании как с неверной супругой? Оставишь меня без копейки, обдаришь Ингу и будешь проживать наследство один? Ах! Я всё поняла! Господин Фандорин! Я поняла! Этот человек чудовище! Казимир был в тысячу раз лучше тебя! По крайней мере он был живой, а ты мумия, засушенная мумия! И притом мумия подлая! Это он, он отравил Казимира, а не я! Месяц думал, как отомстить, и придумал! Брата убить, а вину свалить на меня! Одним ударом двух зайцев!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Ну уж... Ну уж это я не знаю, что такое! Эраст Петрович, вот уж воистину с больной головы на здоровую!

Занавес начинает закрываться и свет меркнуть ещё на предыдущей реплике Лидии Анатольевны. Завершается сцена под истерический хохот Боречкой, повторяющей «Мерзавец! Мерзавец! Мерзавец!»

9. От «А» до «Д»

Маса и Глаша сидят на скамейке.

ГЛАША: Масаил Иванович, а у вас в Японии девушки красивые?

МАСА: Абсолютно. *(Придвигается ближе.)*

ГЛАША *(отодвигаясь, но совсем чуть-чуть)*: А больше чернявых или светленьких? Ну, блондинок или брюнеток?

МАСА: Брюнетки борсье. *(Снова придвигается. Наклоняется к Глашиным волосам, шумно втягивает носом воздух.)* Божественный аромат.

ГЛАША (смущаясь): Как вы красиво говорите. Еще красивше, чем Аркаша...

МАСА: Горова гореть. *(Показывает на голову.)* Грудь бореть. *(Кладёт руку на сердце.)*

ГЛАША: Правда?

МАСА *(заглядывает ей в лицо)*: Граз горубой. *(Целует.)* Губы горячий.

ГЛАША: Быстрый какой! *(Слегка отталкивает его рукой, но тут же гладит по стриженной ёжиком голове.)* Это у вас такие куафюры носят? Щекотная!

МАСА: Бобрник.

Наклонив голову, щекочет Глаше нос. Она хохочет. Воспользовавшись этим, Маса обнимает её.

Входит Фаддей. Глаша, ойкнув, вскакивает и убегает.

ФАДДЕЙ: Шалапутка.

МАСА *(нисколько не смутившись, встаёт и степенно кланяется)*: Фаддэй-сан. Добрый вечер.

ФАДДЕЙ: И вам того же. *(Садится на скамейку. Некоторое время оба молчат.)* Охо-хо.

МАСА *(со вздохом)*: Нэ.

ФАДДЕЙ: Вот и я говорю. Один брат помер, за ним второй. Я их обоих годков на двадцать постарее буду, а всё живу, не призывает Господь. У вас-то в Азии как? Если господин помер?

МАСА *(показывает, будто крест-накрест взрезает себе живот)*: Сэппуку. Хакири.

ФАДДЕЙ: Во-во. Без ножа зарезали. Вся имущества ныне Инге Станиславовне отписана. Ладно. А я-то как? Мне-то куда? Оставят тут жить-ствовать или попросят со двора?

МАСА (*качает головой*): Беда.

ФАДДЕЙ: То-то что беда.

Молчат, вздыхая.

МАСА: Доктор Диксон давно?

ФАДДЕЙ: Что давно?

МАСА (*показывая вокруг*): Дома давно?

ФАДДЕЙ: У нас, что ли? Месяца три. (*Показывает три пальца.*) Барин как стал болеть, пожелал доктора, и чтоб непременно англичанина, к нашим доверия не имел. Дал объявление в газету, ну этот сразу и явился. Понимаете?

МАСА (*кивает*): Да. Англичанин, газета. (*Немного подумав.*) Добрый доктор?

ФАДДЕЙ: Кто его знает. Чужая душа потёмки.

МАСА (*недовольно потряхнув головой*): Доктор — дока? Доктор — дрянь?

ФАДДЕЙ: А, хороший ли он доктор? Да чего ж хорошего, если барин помер. С евоными английскими лекарствами совсем расхворался, да и помер.

Маса достаёт свой свиток, смотрит в него.

МАСА (*резюмируя*): Доктор дусегуб. (*Встаёт, кланяется.*) До свидания, Фаддэй-сан. Говорить господин.

Поворачивается, входит в левую половину сцены, свет за ним медленно гаснет. Фаддэй тарасится японцу вслед.

10. Окно

Открывается левая часть сцены. У стола Фандорин и Диксон. Справа входит Маса, видит доктора, замирает в нерешительности, потом достаёт свой свиток, тушечницу, кисть и быстро пишет сверху вниз, постепенно разматывая свиток.

ДИКСОН: ...Я сделал autopsy. Исследовал желудок. Следов яда нет. Разорван сердечный мускул, как я и предполагал. Нездоровая диета, много брэнди. *(Пожимает плечами.)* В бутылке брэнди. Хороший. Никаких примесей.

ФАНДОРИН: Значит, версия отравления не подтверждается. Что ж, слава Богу.

Маса отрывает кусок от свитка, с поклоном подаёт Фандорину. Тот проглядывает.

ФАНДОРИН: Со суру то, ано отоко-о синрай-дэкинай на. Карэ-но хэя-э иттэ, рэй-но бин-о тотте кои. Дзибун дэ бунсэки-о яру.

ДОКТОР: Никогда еще не проводил analysis в таких условиях. Тесно, мало свет. Бутылка упала, разбилась, но я всё-таки взял проба брэнди. Прямо с пол.

ФАНДОРИН: И отлично сделали. Иканакутэ ии. Бин-о коवासита-ттэ. Муко-дэ матинасаи.

Маса кланяется, выходит.

ДИКСОН: Ну вот. Как видите, убийство is out. Осталась только кража. Могу я спросить, кого вы подозреваете?

ФАНДОРИН (*рассеянно*): Простите? А, я об этом еще не думал.

ДИКСОН: Как так? Но веер необходимо найти!

ФАНДОРИН: Где вы научились русскому?

ДИКСОН: О, я всю жизнь путешествую. У меня principle: знать язык страны, в которой нахожусь. Я могу говорить (*загибает пальцы*) французский, немецкий, итальянский, испанский, португальский, польский, арабский, шведский. Всюду жил, всюду лечил.

ФАНДОРИН: И на востоке?

ДИКСОН: О да! Я могу говорить хинди, урду, малайский, даже суахили! Я жил два год Восточная Африка.

ФАНДОРИН: Поразительно! А в Японии бывать не приходилось?

ДИКСОН: Нет.

ФАНДОРИН: Но по-японски тем не менее знаете.

ДИКСОН: What?

ФАНДОРИН: Перестали понимать по-русски? But nevertheless you do know Japanese. Когда я сказал Маса по-японски, что не доверяю вам и чтобы он сходил за флягой, вы немедленно заявили, что фляга разбилась. Что из сего следует? Нескольких выводов, а именно (*на секунду задумывается*) восемь. Вы хотели избежать повторного анализа. Это раз. Стало быть, сказали мне неправду — в коньяке яд. Это два. Разбить или выкинуть флягу вы не догадались — иначе не заявили бы столь поспешно, что она разбита. Это три. Да если и разбили, для анализа много жидкости не нуж-

но — хватит крошечной капельки с пола. Молчите? Хорошо, продолжаю. По-японски вы понимаете, а значит, про Японию тоже солгали. Это четыре. Вы там были, и, кажется, я догадываюсь, с какой целью. Покойный Сигизмунд Борецкий рассказывал мне о конкурентах, тоже охотящихся за волшебным веером. Вы ведь из их числа? Это пять. И сюда, в усадьбу, вы попали неслучайно. Узнав, кому достался веер, тоже перебрались в Россию. Ждали своего часа. А тут кстати и объявление в газете (*показывает свиток, полученный от Масы*). Это шесть. В этом свете смертельная болезнь Сигизмунда Борецкого выглядит крайне подозрительно. Я буду требовать эксгумации. Это семь. А уж то, что вы отравили Казимира Борецкого, и вовсе не вызывает сомнений. Это восемь. Таким образом, я обвиняю вас в двойном убийстве!

Во время этого монолога Фандорин наступает на Диксона, а тот пятится вглубь сцены.

ДИКСОН: No, for God's sake! Я не убивал мой patient! Я... я просто плохо его лечил! За это можно отобрать мой doctor's license, но я не убивал! И Казимир Борецкий убил не я!

ФАНДОРИН: Вам будет трудно опровергнуть улики. Пойду, займусь коньяком.

Поворачивается спиной к доктору.

ДИКСОН: Не надо улики! Я знаю, кто убивал! Я скажу, я всё скажу!

В это время тень в окне, на которую зрители давно уже перестали обращать внимание и считали неодушевлённым предметом, оживает. Вспыш-

ка, выстрел, тень исчезает. Фандорин спиной к окну, и поэтому не сразу понимает, что произошло.

Доктор с криком падает. Фандорин бросается к нему.

ФАНДОРИН: *Что? Молния? (Нагибается, хватает доктора за плечи.) Кровь! (Втягивает носом воздух.) Порох!*

Кидается к открытому окну, за которым шумит дождь. Пробует перелезть через подоконник, но со сломанной рукой у него не получается. Тогда отбегает в середину комнаты, разбегается и выпрыгивает в окно.

Яркая вспышка, грохот грома.

Конец первого действия.

Второе действие

1. В темноте

Перед занавесом. Полная темнота. Громкий шум дождя и ветра. Раскаты грома, но зарниц и молний нет.

Крик Фандорина: Стой!

Вспышка выстрела.

Топот бегущих ног.

2. Все мокрые

Шум грозы становится приглушённым фоном. Занавес открывается.

В гостиной Фандорин, он стряхивает с плеч и волос брызги дождя. На полу у окна лежит прикрытое тёмной скатертью тело.

Входит нотариус. Он в халате и шлёпанцах.

СЛЮНЬКОВ: В чём дело? Зачем ваш японец меня поднял? Я уже лёг.

ФАНДОРИН: Разве вы не слышали выстрелы?

СЛЮНЬКОВ: Я слышал раскаты грома. А что, были выстрелы?

Входит Инга. Она в пеньюаре. Волосы замотаны полотенцем.

ИНГА: Господи, что ещё стряслось?

ФАНДОРИН: Чрезвычайное событие. У вас... м-мокрые волосы?

ИНГА: Да, помыла перед сном.

Входит Ян в блестящей от воды крылатке.

ЯН: Что? Нашли веер? Шёл через двор, услышал крики.

ФАНДОРИН: Что вы делали во дворе? Ночью, под дождём?

ЯН: А вы думали, я преспокойно спать лягу? После того, как у меня миллион стащили? Да я уже и дом, и флигель, и двор обошёл. Прикидывал, где искать...

Входят супруги Борецкие. За ними Маса, встает у дверей, сложив руки на груди.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Это совершенно невыносимо! Когда закончится этот кошмар? Инга, что это такое? Немедленно иди в свою комнату и не возвращаясь, пока не приведёшь себя в надлежащий вид!

ФАНДОРИН: У вас обоих мокрые туфли. Могут узнать, почему?

Супруги переглядываются, молчат.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ (*отведя Фандорина в сторону, вполголоса*): Эраст Петрович, у Лидочки была истерика. Она выбежала в сад, под дождь. Я за ней, с зонтом. Насилу уговорил вернуться... Только начала успокаиваться, и тут ваш азиат. «Давай гостиная, быстро!» Ей-богу, можно бы и поделикатней...

Ян и Инга тоже отходят в сторону.

ИНГА: Мама права... Я в таком виде. Слуга Эраста Петровича чуть не выволок меня из комнаты. Не смотри на меня.

ЯН (*рассеянно*): В каком виде?

ИНГА (*показывая на полотенце*): Ну вот это...

ЯН: Довольно красиво, похожа на турчанку. И платье такое, с кружевами...

ИНГА: Господи, ты хоть что-нибудь замечаешь кроме своих кроликов?

ЯН (*глядя поверх её плеча на лежащее тело*): Да... Например, вот это. (*Показывает пальцем.*)

Инга оборачивается и вскрикивает.

ЯН: Послушайте, особенный чиновник, это уж чересчур. Зачем вы снова притащили сюда папашу? Он, конечно, был существом малопочтенным, но всё же...

Слюньков, стоящий ближе всех к телу, оборачивается и шарахается в сторону.

Лидия Анатольевна ахает.

ФАНДОРИН: Это не ваш отец.

ЯН: Что-что? (*Оглядывается на Ингу.*) Старик не был моим отцом? Но откуда вы-то можете знать такие интимности?

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Казимир не отец Яна?

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Даже если так, зачем нужно было снова притаскивать сюда мертвеца?

ЯН: Позвольте, кто ж тогда произвёл меня на свет?

ФАНДОРИН: Это мистер Д-Диксон.

ЯН: Мой отец?! Англичанин?!

Всеобщее замешательство.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Невероятно!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: А где он? Где доктор?

ФАНДОРИН (*теряя терпение*): Вот он! Его убили!

ИНГА: Как убили? Зачем убили?

ФАНДОРИН: Чтобы он не выдал мне убийцу.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Своего убийцу? Я ничего не понимаю...

Ян подходит к телу, приподнимает покрывало.

ЯН: В самом деле Диксон! И кровь на полу! Господи, доктор-то кому помешал?

ФАНДОРИН: Он не доктор. То есть, доктор, но не только доктор.

ЛИДИЯ АНАТОЛЬЕВНА: Эраст Петрович, вы говорите загадками.

Фандорин закрывает глаза, складывает перед собой ладони, наклоняет голову — погружается в медитацию.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Эраст Петрович!

Никакого ответа. Маса шипит, чтобы Фандорина не трогали. Все с испугом оглядываются на японца.

ЯН (*вполголоса*): А наш чиновник-то... (*Делает рукой жест у виска.*) Не замечали? Может, это он сам доктора?

ФАНДОРИН (*тряхнув головой*): Господа, прошу извинить невнятность изложения. Четверть часа назад при мне убили человека, а потом чуть не застрелили и меня. Я был... несколько в-возбуждён. Но теперь я совершенно спокоен. Итак. Мистер Диксон — коллекционер, охотившийся за веером. Это раз. Он причастен к смерти Сигизмунда

и Казимира Борецких. Это два. У него есть сообщник. Это три. Этот сообщник выстрелил в Диксона через окно. Это четыре. Я пробовал его догнать, но во дворе темно. К тому же у этого человека револьвер, а я безоружен. Никак не предполагал, что эта загородная п-поездка может оказаться опасной.

ЯН: Так это Диксон украл веер! Мне следовало догадаться!

ФАНДОРИН (*качает головой*): Я только что был у него в комнате. Веера не обнаружил.

ЯН: Значит, нужно перевернуть вверх дном всю усадьбу!

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Ян, это *наша* усадьба, и я не позволю переворачивать её вверх дном!

ИНГА: Ян, папа, как вы можете? Ведь человека убили!

СЛЮНЬКОВ: Господа, господа! Главное не в веере. И даже, простите, не в том, что убили человека. А в том, что, если я правильно понял господина Фандорина, в доме убийца.

Полная тишина.

ФАНДОРИН: Вы поняли совершенно правильно. Более того, вероятнее всего, убийца сейчас находится в этой гостиной.

Присутствующие пугливо оглядываются, будто в комнате может прятаться кто-то ещё. Потом смысл сказанного до них доходит, и они с ужасом смотрят друг на друга.

СТАНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ: Но в доме кроме нас есть и слуги!

Из-за левой кулисы высовывается голова Аркаши — оказывается, он подслушивает.

ФАНДОРИН: Разумеется. Это только в британских уголовных романах слуга не может быть убийцей, поскольку он не д-джентльмен. Мы же, слава Богу, живём в России, у нас слуги тоже люди.... Но слугами занимается мой помощник.

СЛЮНЬКОВ (*подойдя к Яну, вполголоса*): Ян Казимирович, прошу извинить, что в такую минуту... Но мне хотелось бы поскорее отсюда уехать. Вы вступаете в права наследства. Не желаете ли воспользоваться услугами нашей фирмы?

ЯН: У меня ничего нет кроме этого чёртова веера, да и тот теперь ищи-свищи!

СЛЮНЬКОВ: Фирма «Слюньков и Слюньков» ведёт самые запутанные наследственные дела, в том числе и по розыску утраченного наследства... Искать буду не по-казённому (*кивает в сторону Фандорина*), а со всем пылом души. Как лицо неравнодушное и рассчитывающее на справедливое вознаграждение. Вам только нужно подписать поручение, что я уполномочен вами на розыски. Я и бумажечку подготовил... (*Достаёт из кармана халата листок. Обмакивает ручку в стоящую на столе чернильницу.*) Не угодно ли?

ЯН: Послушайте, Фандорин. Мне нужно с вами поговорить.

Слюньков идёт за ним.

СЛЮНЬКОВ: При розыске имущества берём комиссионные, но самые умеренные...

ЯН: Фандорин, мне нужна ваша помощь. (*Слюнькову.*) Послушайте, мне не до... Ладно, да-

вайте. Какая разница? (*Подписывает поручение, едва в него заглянув.*)

СЛЮНЬКОВ: Благодарю. Не пожалеете. А веер я вам всенепременно разыщу. Господа, хоть утро вечера и мудренее, но я в Москву. Не останусь здесь более ни на минуту. Не дадут коляски — пешком уйду...

ФАНДОРИН: Никто отсюда не уедет до прибытия полиции. Я отправил записку исправнику. Прошу всех оставаться в своих комнатах. Считайте себя под домашним арестом.

Нотариус и супруги Борецкие выходят в правую сторону, косясь на неподвижное тело. Маса следует за ними.

Ян остаётся возле Фандорина. Инга задерживается в дверях, прислушиваясь к их разговору. Из-за левой кулисы по-прежнему торчит голова Аркаши.

ЯН: Послушайте, Фандорин. Вы человек систематического мышления, это сразу видно. Помогите мне найти веер. Куда, по-вашему, Диксон мог его спрятать?

ФАНДОРИН: Вы уверены, что это сделал именно Диксон?

ЯН: Вы же сами сказали, что он охотился за веером! Пока был жив дядя, добраться до веера, наверное, было непросто. Но сегодня Диксону, наконец, представился случай. Конечно, я не успел изучить усадьбу так хорошо, как он, но при беглом осмотре обнаруживается только два места, где можно с лёгкостью спрятать что угодно: подвал и чердак. На чердаке свален всякий хлам, а в подвале настоящий лабиринт — какие-то перехо-

ды, закутки, чёрт ногу сломит. Я буду искать всю ночь, но и подвал, и чердак мне не осмотреть. А утром дядя снова начнёт кричать, что это его собственность, что он не позволит здесь хозяйничать. Дайте совет, блесните дедукцией! Куда мне идти: вверх или вниз, на чердак или в подвал? Ну, что вы так смотрите? Я ведь не папаша, мне деньги не на цыганок нужны, а на медицинские исследования. Вы ведь верите в науку и прогресс?

ФАНДОРИН: Б-безусловно. Но меня сейчас интересует не веер. Мне нужно найти убийцу.

ИНГА (*приблизившись*): Ян! Я помогу тебе! Ты ищи наверху, а я буду искать внизу!

ЯН: Ночью? В доме, по которому бродит убийца? Ни за что. К чёрту веер вкупе с прогрессом.

ИНГА: Ты не можешь мне запретить делать то, что я хочу. Я иду в подвал!

ФАНДОРИН: Сударыня, постойте. Ян Казимирович прав. Вам нельзя туда ходить...

ЯН: Фандорин, только вы можете её остановить! Подскажите, где нужно искать? Ну же, давайте! «Это раз, это два, это три».

ФАНДОРИН: Не знаю.

ИНГА: Тогда...

Идёт к выходу.

ФАНДОРИН: Нет! Идите и запритесь у себя в комнате! Я сам осмотрю п-подвал.

ЯН: И будете искать как следует?

ФАНДОРИН: Не беспокойтесь. Если веер там, я его найду.

Занавес слева закрывается, справа открывается.

3. Ушёл!

Аркаша выволакивает за руку Глашу.

АРКАША: Вот вы какие, Глафира Родионовна! На кого променяли-с? На идолище поганое, на язычника-с! А это грех-с, перед отечеством и Господом Богом! За это вас черти на том свете на сковороду посадят! Голым профилем-с!

ГЛАША: Довольно совестно вам, Аркадий Фомич, про мой профиль такое выражать! Не ваша забота. И руку пустите, больно!

АРКАША: Не моя забота? Эх вы, Евины дочки. Глядите, после не пожалейте. Это я сегодня никто, лакей-с, а завтра, может быть, стану всё. Захотите ко мне подластиться, а я на вас и не гляну-с. Не пара вы мне будете.

ГЛАША: Что это вы так загордились-то? С каких барышей?

АРКАША: Об том вам знать незачем-с. А только упускаете вы, Глафира Родионовна, своё счастье. (*Наступает на неё.*) Говорите правду, как на святой исповеди: тискались с косорылым?

ГЛАША: У самого у вас рыло накось! И дух изо рта! А Масаил Иваныч мужчина чистенький, гладкий!

АРКАША: Вот ты как? Гулящая!

Замахивается на неё, Глаша с визгом закрывает голову руками.

Из-за кулис выскакивает Маса, воинственно шипя и выставив вперёд руки.

Аркаша отбегает.

АРКАША: Не могли драться! Нет такого закона, чтоб басурманы русского человека ногами по хारे мордовали!

МАСА: Давать вопрос.

АРКАША: Вопрос можно, только руки прибеги. И коленками не приседай.

МАСА: Арукася и доуктору Диксон друзья?

АРКАША: Чево? Какой они нам друг! Они сами по себе, мы сами по себе.

ГЛАША (*всхлипывая*): Брешет он! Чуть не каждый вечер к англичанину ходил. Сколько раз мне хвастался! Масаил Иваныч, он меня за плечо! Больно! (*Плачет.*)

МАСА (*Аркаше*): Вести господин. Дерать допрос.

Подходит к Глаше, достаёт свой свиток, открывает клочок, вытирает ей слёзы. Жалостно цокает.

Аркаша пятится к краю. Поворачивается, хватает стул, бросает вверх, так что стул улетает за кулису. Звон разбитой лампы. Свет на сцене гаснет. Топот ног.

Крик МАСЫ: Томарэ!

Крик ГЛАШИ: Масушка! Не пушу! Страшно!

4. В подвале

В темноте занавес понемногу открывается слева направо.

Это подвал — сцена поделена перегородками на шесть или семь отсеков, имитирующих подвальные коридоры. За то время, когда занавес допол-

зёт до правой кулисы, в правой части сцены тоже должны быть установлены перегородки.

Сначала на сцене совсем темно.

Потом раздаётся скрип заржавленных петель, слева сочится тусклый свет. Выходит Фандорин с фонарём в руке. Медленно уходит вглубь первого отсека, светя то вправо, то влево. Потом, обогнув перегородку, движется в сторону зрительного зала. Доходит до просцениума, обходит перегородку, снова идёт вглубь сцены.

Тем временем занавес открыт уже до правой кулисы. В самом правом отсеке виден силуэт сидящего на корточках человека со свечой. Одет человек в нечто длинное, платьеобразное. Кто это, не видно, потому что человек сидит спиной к залу.

Вот человек поднялся, держа под мышкой что-то узкое и длинное. Идёт по своему отсеку вглубь сцены, огибает его, перемещается в соседний отсек.

Некоторое время они с Фандориным движутся навстречу друг другу, играет МТЗ, но лица человека по-прежнему не видно.

Фандорин спотыкается обо что-то, чертыхается.

Человек со свечой замирает на месте. В правой части сцены становится темно.

Фандорин продолжает свой путь, светя фонарём то вправо, то влево.

Вот он вошёл в отсек, где спрятался неизвестный.

Видно, что тот лёг на пол и прижался к перегородке, его почти не видно.

Фандорин проходит мимо, не заметив спрятавшегося. Углубляется внутрь отсека.

Тогда лежащий бесшумно встаёт и ныряет в отсек, расположенный слева. Похоже, что ему удалось ускользнуть. Он опять зажигает свечку. Бесшумно удаляется от Фандорина.

В это время снова скрипит дверь. Слева в подвал входит Маса. У него в руке тоже фонарь.

МАСА: Данна! Доко дэс ка?

ФАНДОРИН: Маса? Коко да! Доосита но?

Фандорин и Маса движутся друг другу навстречу. Занавес понемногу сдвигается слева и справа. Незнакомый снова задувает свечу, мечется между двумя огнями.

Маса и Фандорин входят в отсек, где находится неизвестный, одновременно с двух сторон.

Свет двух фонарей сливается, в отсеке делается светло.

Видно, что неизвестный — это Слюньков в халате. Он прижимает к груди длинный свёрток.

Занавес с двух сторон сдвигается, так что открытым остаётся только освещённый отсек.

ФАНДОРИН: Слюньков? Что вы здесь делаете?

СЛЮНЬКОВ (дрожащим голосом): А... а вы?

ФАНДОРИН: Ищу пропавший веер.

СЛЮНЬКОВ: Я... я тоже.

ФАНДОРИН: Вижу, вы его уже нашли.

Отбирает у нотариуса свёрток.

СЛЮНЬКОВ: Да! Я его нашёл! И как раз нёс владельцу!

ФАНДОРИН: Даже успели завернуть в газету и обмотать бечёвкой.

СЛЮНЬКОВ: Он так и был, завернут...

ФАНДОРИН (*разворачивает газетную бумагу, в которой картонный футляр, из футляра вынимает веер, смотрит на него мельком, передаёт футляр Маса, а сам разглядывает газету*): Ну да, во вчерашний номер «Юридического вестника». Должно быть, кто-нибудь из слуг выписывает.

СЛЮНЬКОВ: Мне не нравится ваша ирония! Можете намекать на что угодно, но существует презумпция невиновности. Я утверждаю, что пришёл сюда в поисках похищенного имущества, поиск которого мне доверен законным владельцем. Пропавшее имущество найдено, я намереваюсь вернуть его Яну Казимировичу Борецкому, о чём официально и заявляю.

ФАНДОРИН: Хорошо. Ваше заявление принято. А теперь давайте пройдем к вам в комнату и проверим, суха ли ваша одежда и обувь. Мне ещё давеча показалось странным, что вы вышли в гостиную в халате и ш-шлёпанцах, хотя хватило бы десяти секунд, чтобы надеть сюртук и штиблеты. (*Маса.*) Дзю-о моттэ инай ка то тасикамэтэ.

Маса быстро ощупывает нотариуса.

СЛЮНЬКОВ: Что вы... что он делает?

ФАНДОРИН: Ищет револьвер.

Маса достаёт из карманов нотариуса листок бумаги.

МАСА: Корэ дакэ дэс.

Фандорин разворачивает бумагу.

СЛЮНЬКОВ: Вы не имеете права...

ФАНДОРИН: Очень интересно. «Я, Ян Казимирович Борецкий, доверяю поверенному Степану Степановичу Слюнькову вести дело о наследстве, причитающемся мне по смерти моего отца, а в вознаграждение передаю вышеуказанному С.С. Слюнькову веер, ранее принадлежавший моему дяде Сигизмунду Иосифовичу Борецкому и отныне становящийся законной собственностью С.С.Слюнькова. Подпись: Ян Борецкий». Тут и число есть. Сегодняшнее. Какой щедрый подарок. В награду за ведение дела о наследстве отдать нотариусу всё наследство ц-целиком... Знаете что, давайте поднимемся на чердак. Перемолвимся парой слов с дарителем.

СЛЮНЬКОВ: Не нужно! Умоляю, не нужно! Я всю жизнь честно... тридцать лет поверенным... Бес попутал... Всё расскажу, всю правду, только не погубите! Если откроется, это позор, суд, разорение! Только останется, что в петлю! У меня жена в водянке! Дети! Четверо! Бесовское наваждение! Не устоял!

ФАНДОРИН: Зачем вы украли веер? Захотели богатства и славы?

СЛЮНЬКОВ: Что вас так удивляет? Я ведь тоже человек, а не параграф. И у меня есть свои мечты... Я всегда был практиком, в облаках не витал, но иногда так захочется чуда. Твердишь себе год за годом: нет никаких чудес, есть только завещания, векселя, выкупные обязательства. И вдруг — веер. Ведь жизнь уходит. Вы молодой, вам не понять. Однажды очнёшься, а тебе пятьдесят. И думаешь: что — это всё? Дальше только

сахарная болезнь, поездки на воды, старость и смерть? Когда вы рассказали про Инь и Ян, у меня будто лопнуло что-то в голове... какая-то струна оборвалась. Потом вдруг молния, крошечная тьма. Клянусь, руки сами схватили веер и сунули под сюртук. Я так испугался! А когда зажёгся свет, отдавать веер было уже поздно...

ФАНДОРИН: Ну да. Оставалось только спрятать его в подвале и под шумок подсунуть Яну Казимировичу фальшивую дарственную. Дарственная-то вам зачем?

СЛЮНЬКОВ: Ну как же! Вы сами говорили — веер исполняет желания только законного владельца.

ФАНДОРИН: Думали фальшивкой Будду обмануть? Маса, сэксу-о. (*Маса достаёт из футляра веер, протягивает.*) Ну что ж, попробуйте, помашите. Слова молитвы помните?

СЛЮНЬКОВ: Всё время их твержу... Вы в самом деле... позволите?

Фандорин жалостно кивает. Они с Масой, переглянувшись, наблюдают.

Слюньков роняет веер на пол — так дрожат руки. Быстро поднимает, раскрывает.

СЛЮНЬКОВ: Голова кружится... В глазах темно... Господи Иисусе... (*Испуганно.*) Нет-нет, не «Иисусе»! (*Разворачивает веер сначала белой стороной наружу.*) Для мира хорошо — вот так. (*Переворачивает.*) Для себя хорошо — вот этак. Не смотрите на меня так, я не святой, а самый обычный человек... Мир большой, если ему станет немножко хуже, он и не заметит... (*Крестится. Поёт,*

качая в такт веером.) «Нам-мёхо рэнгэ-кё. Нам-мёхо рэнгэ-кё. Нам-мёхо рэнгэ-кё. Нам-мёхо рэнгэ-кё. Нам-мёхо рэнгэ-кё. Нам-мёхо рэнгэ-кё. Нам-мёхо рэнгэ-кё. Нам-мёхо рэнгэ-кё. Нам-мёхо рэнгэ-кё. Нам-мёхо рэнгэ-кё».

Нотариус замирает, оцупывает свое лицо, шлепает себя по темени, смотрит на руки, озирается вокруг. Маса отбирает веер, укладывает его в коробку, кладёт коробку в карман.

Пауза.

СЛЮНЬКОВ: Морщины? Щёки висят! Никуда не делись! Лысина! А как же молодость и красота? Эраст Петрович, во мне что-нибудь изменилось?

ФАНДОРИН: Да. Побагровели весь... Стыдно, Степан Степанович. С этим веером все будто с ума посходили.

Слюньков со стоном падает навзничь.

Фандорин наклоняется над ним.

ФАНДОРИН: Ну вот, кажется, до к-кондрашки донервничался, жертва суеверий.

МАСА: Данна, карэ дэ ва аримасэн. Арукася то Диксон ва симэсиавасэтэ ирун дэс ё! Арукася-о нигаситэ симаимасита. Моосивакэ аримасэн...

ФАНДОРИН: Лакей в сговоре с Диксоном?... Что ж ты раньше не сказал? *(Делает порывистое движение, чтобы бежать к выходу. Останавливается.)* Чёрт, не бросать же его здесь.

Пробует поднять нотариуса, но мешают рука в гипсе.

ФАНДОРИН: Тэ га... Дэ ва, таному.

Маса берёт Слюнькова под мышки, тащит.

Фандорин выходит на просцениум, и занавес за его спиной смыкается.

5. *Согом и Томорра*

Перед занавесом.

Фандорин поворачивается, идёт к кулисе, на встречу ему выходит Инга.

ФАНДОРИН: Вы не спите?

ИНГА: Разве уснёшь? Места себе не нахожу. Все затаились по комнатам. Время будто остановилось. Так захотелось хоть с кем-нибудь словом перемолвиться... Вышла в коридор. Там двери спален, одна за другой. Господи, думаю, ведь это комната дяди Казимира. Он там сейчас на столе лежит, мёртвый, с разрезанным животом. Отбежала к следующей двери. Только перевела дыхание, и вдруг ударило: а это же комната мистера Диксона. Тоже мертвец! И так мне жутко стало! Бросилась стучать в следующую дверь, сама не знаю, зачем. Там остановился нотариус, он-то вроде бы жив. Стучу — ни звука. Тишина. Мёртвая! Дальше мамина комната. Думаю, если и там тихо — с ума сойду. Стучу — безмолвие. Сон, кошмарный сон! Перебегаю к двери отца. Молочу уже кулаками, со всей силы. И тут наконец отклик. «Немедленно уходите! Я позову на помощь!» Я ему: «Папа, это я, Инга!» А он: «Иди к себе и запри!» Так и не открыл... И Яна нет... Всё ищет свой веер. Меня с собой не взял... С ним было бы не страшно...

ФАНДОРИН: Надо сказать ему... Нет, сначала с лакеем.

С другой стороны сцены появляется Фаддей с канделябром в руке.

ФАДДЕЙ (*бормочет*): Всё несутся, всё бегают. Ночь-полночь, угомона на них нет. Ни «доброй вам ночи, Фаддей Поликарпыч», ни «моё почтение»...

ФАНДОРИН: Послушайте, Фаддей Поликарпович, моё почтение. Проводите-ка меня в комнату вашего п-помощника Аркадия. У меня до него срочное дело.

ФАДДЕЙ: Проводить можно, чего не проводить.

ФАНДОРИН: Где он живёт?

ФАДДЕЙ: Известно где, во хлигеле.

ФАНДОРИН: Сударыня, вам следует и в самом деле вернуться к себе. Ничего не бойтесь, дело идёт к развязке. (*Фаддею.*) Ну, ведите.

ФАДДЕЙ: Свести можно. Только Аркашки там нет.

ФАНДОРИН: А где же он?

ФАДДЕЙ: Наверх побёг. (*Показывает пальцем вверх.*)

ФАНДОРИН: Куда наверх?

ФАДДЕЙ: Кто его знает. На лестнице налетел, как скаженный. Ни «здрасьте вам, Фаддей Поликарпыч», ни «доброй вам ночи». Чуть с ног не шибиб...

ФАНДОРИН: Чердак!

Бежит.

ИНГА: Что чердак? Боже, Ян!

Бросается следом за Фандориным.

ФАДДЕЙ (*глядя им вслед*): И эти бегать. Содом и Гоморра!

6. На чердаке

Слева открывается часть занавеса. Это лестничная площадка перед чердачной дверью. Через оконце проникает тусклый свет.

Фандорин, за ним Инга.

ФАНДОРИН: Заперто! Кто запер? Ян или..?

ИНГА (бросается к двери, стучит в неё): Ян! Ян! Ты меня слышишь? Ян, открой!

Раздаётся выстрел, потом шум, грохот.

Инга отчаянно кричит.

Фандорин разбегается, бьёт плечом в дверь. Дверь слетает с петель. Занавес сдвигается вправо.

ФАНДОРИН: Чёрт! Рука! (Сгибается в три погибели, обхватив загипсованную руку.)

Инга бежит вперёд одна.

Занавес едет вправо, постепенно открывая чердак. Там на заднем плане свален всякий хлам, свет проникает через несколько круглых окошек. Свет постепенно становится ярче.

Видно, что на полу двое: Ян и Аркаша. Они вцепились друг в друга мёртвой хваткой. Рядом валяется револьвер. Лакей сильнее. Вот он оказался сверху. Противники держат друг друга за руки.

Инга с криком кидается на Аркашу, хватается его за плечи. Тот отталкивает её, она падает. Воспользовавшись тем, что освободилась одна рука, Ян дотягивается до револьвера, хватается его и стреляет в Аркашу.

Тот опрокидывается на пол.

ИНГА: Ты цел? Цел?

ЯН (*сидясь*): Кажется, да... Хотя и не пойму, как это мне удалось.

К ним приближается Фандорин, нянча ушибленную руку.

ЯН (*поднимается на ноги*): Вот, полюбуйтесь...

Показывает на труп.

ФАНДОРИН: Как это произошло?

ЯН (*тяжело дыша*): Рылся тут в старом хламе, искал этот треклятый веер. Вдруг слышу — дверь. И засов лязгнул. Я сначала подумал, это вы. А это он... «А! — кричит. — За веером пришёл! Будет тебе сейчас веер!» Бросился. Револьвером размахивает... (*Ян с отвращением смотрит на револьвер, зажатый в его руке, бросает на пол.*) Потом в дверь стучат — Инга. Этот на меня револьвер наставил, я еле успел за руку. Вот так мимо уха просвистело! Сцепились, револьвер в сторону... Он меня душить... Дальше плохо помню... Инга лучше расскажет.

ИНГА: Я вбегаю, а он сверху! И совсем уже! Я как закричу, и на него, а он меня! Я упала, рукав порвала, локоть больно... Ян настоящий герой! Как схватит, как выстрелит!

ФАНДОРИН (*прохаживаясь по чердаку и всматриваясь в пол*): Эмоционально, но маловразумительно. По счастью, на полу толстый слой пыли, так что картину восстановить нетрудно... Вот вошёл лакей (*показывает*), остановился здесь. Вы с ним стояли напротив друг друга, вплотную. Он лицом туда, вы лицом к двери.

ЯН: Да, правильно. .

ФАНДОРИН: Вот сюда отлетел револьвер. Вы оба к нему бросились. Тут размазано — схватка...

ИНГА: А вот здесь Ян выстрелил.

Фандорин проходит к правой кулисе, рассматривает что-то на стене. Задирает голову, смотрит вверх.

Вбегает Маса.

МАСА: Данна, дайdzёбу дэс ка?

ИНГА: Что он говорит?

МАСА: Выстрел!

ФАНДОРИН (*показывая на труп*): Ко иу кэ-цумацу да.

ЯН: Инга, ты такая молодчина! Ты мне, наверно, жизнь спасла. Только ты успокойся. Фандорин, ведь этот сюда за веером пришёл. Ошибся я, выходит, насчёт англичанина-то. Негодяй этот напوماженный (*кивает на труп*) веер стащил. Где-то здесь спрятал. Помогите найти, я всё перерыл.

ФАНДОРИН: Нашёлся ваш веер. Маса!

Японец достаёт из кармана футляр, из него веер.

ЯН: Фандорин, вы гений! Буду кричать об этом на каждом перекрёстке!

Хватает веер, разворачивает его. Застывает.

ИНГА: Я так за тебя рада!

ЯН: Теперь весь мир будет мой!

ФАНДОРИН: Как, и вы туда же? Потребуете славы и богатства?

ЯН: У этой бумажной безделушки? Нет, я найду какого-нибудь полоумного коллекционера вроде дядюшки или мистера Диксона и продам веер за

хорошие деньги. Вы сказали, миллион? На эти деньги можно столько всего сделать! Я переверну науку! Я достигну всего — и славы, и богатства, да не по милости Иисуса или Будды, а сам!

ФАНДОРИН: Что ж, это превосходно, но сначала нужно закончить расследование. Три смерти за вечер — это не шутки. Да ещё господина нотариуса от чрезмерного волнения удар хватил.

ЯН: Вы правы. Гадость и уголовщина. Хорошо бы во всём разобраться до приезда полиции, не то начнётся сказка про белого бычка. Вы ведь для полиции начальство?

ФАНДОРИН: Не вполне, но, полагаю, что к моему 3-заклучению полиция прислушается.

ЯН: Вот и отлично.

Маса подаёт Фандорину лежащий на полу револьвер. Фандорин откидывает барабан.

ФАНДОРИН: Четыре патрона израсходованы, два осталось. Так. Один выстрел в Диксона, один в меня, потом один раз он стрелял в вас, и один раз вы в него. Сходится. (Масе.) Ситай-ни моо хитоцу данкон га най ка то.

Маса кланяется, садится на колени возле трупа, молитвенно складывает руки. Потом начинает придавать телу благообразный вид: выпрямляет ноги, складывает на груди руки и прочее, напевая что-то протяжное.

ЯН: Что это он?

ФАНДОРИН: Японский обычай предписывает относиться к покойникам с почтением. Не обращайтесь внимания. Итак, попробуем восстановить картину п-преступления.

ЯН: Вот-вот, попробуйте. У вас должно получиться. А то у меня, честно говоря, голова кругом...

ФАНДОРИН: Английский коллекционер, мечтающий заполучить волшебный веер, попадает в усадьбу под видом врача. Благополучно сводит Сигизмунда Борецкого в могилу. Я уверен, что все рекомендации и рецепты были б-безупречны, но ведь одни капли можно заменить на другие. Для этого доктору понадобился помощник. Диксон поближе сошёлся с личным лакеем хозяина и сделал его своим сообщником. При этом англичанин полагал, что главный в этом дуэте он, но лакей, похоже, придерживался иного мнения. Человек он был честолюбивый, деятельный. Полагая, что идея подпилить ось у дрожек принадлежала ему.

ИНГА: Но зачем?

ЯН: Чтобы господин Фандорин не приехал и папаша не узнал о ценности веера. Тогда Диксон выкупил бы у него веер за несчастную тысячу рублей.

ФАНДОРИН: Они подсыпали Казимиру Борецкому в коньяк яду, чтобы сразу после этого от него избавиться. Убийство безо всякого риска — ведь вскрытие должен был производить Диксон, единственный врач на всю округу. Но планы заговорщиков нарушились. Казимир Борецкий захотел коньяку раньше времени...

ЯН (*горько*): И я сам принёс ему флягу!

ИНГА: Ты не мог знать!

ФАНДОРИН: Потом появился я, хоть и со сломанной рукой. А затем из-за удара молнии погасло электричество, и всеер был похищен.

ЯН: Кем? Этим?

ФАНДОРИН: Нет, другим человеком, действовавшим безо всякого предварительного плана. Это окончательно запутало заговорщиков. Они стали подозревать друг друга. Лакей подслушивал у окна, когда я допрашивал Диксона. Поняв, что доктор собирается всю вину свалить на него, лакей выстрелил... Маса провёл собственное расследование, установив два крайне важных, даже к-ключевых обстоятельства. Лакей готовил дрожки к поездке — да так старательно, что, когда в коляску сели пассажиры, ось на первом же повороте переломилась. Это раз. И ещё Маса выяснил, что Диксон и лакей были в коротких отношениях. Это два. Окончательно же лакей себя выдал, когда попытался вас убить.

Маса ткнулся носом мертвецу в подмышку и замер.

ЯН (*мельком поглядев на него*): Станный обряд. Как будто приноживается... Что ж, Фандорин, вы выполнили за полицию всю работу. Стройно, логично! Теперь я вижу, что дедукция — это тоже наука, сродни математике.

МАСА: Данна, коко дэс. Когэтэ имас. Каяку-но ниои мо.

ФАНДОРИН: Да. Но иногда бывает довольно какой-нибудь мелочи, чтобы вся стройная теория рассыпалась.

ЯН: Мелочи? Какой мелочи?

ФАНДОРИН: Самой ерундовой. Например, л-дырки.

ЯН: Что?

ФАНДОРИН: У Аркадия под мышкой в сюртуке дырка.

ЯН: Я вас что-то... При чём здесь дырка?

ФАНДОРИН: Маса говорит, что её края обуглены. И свежий запах пороха.

ЯН: Как это может быть? Моя пуля попала ему в голову!

ФАНДОРИН: Вторая. Но не первая.

ИНГА: Какая ещё первая, Эраст Петрович?

ФАНДОРИН: При беглом осмотре я не обнаружил на той стене следа от пули, которая, по словам Яна Казимировича, просвистела у него мимо уха. Но я уверен, что след от пули отыщется вон на той стене (*показывает влево*). Это не Аркадий стрелял в вас, а вы в него.

Фандорин смотрит в упор на Яна. Тот нервно стряхивает волосы со лба или делает какой-то иной нервный жест.

ФАНДОРИН: Вы ловкий человек, Ян Казимирович. И умный. Но не до такой степени, как вам п-представляется.

ИНГА: Что вы... Зачем вы так говорите?

ФАНДОРИН (*Яну*): Лакей бросился к вам на чердак, чтобы потребовать помощи. Он понял, что вот-вот будет разоблачён Масой. А тут стали стучать в дверь, звать вас по имени. И вы решили застрелить сообщника. Но он не доверял вам, был

начеку. Это не вы увернулись от его выстрела, а он от вашего. Успел схватить вас за руку, и пуля прошла у него под мышкой. Завязалась борьба. И всё устроилось наилучшим для вас образом: вы застрелили смертельно опасного свидетеля на глазах у Инги Станиславовны, при явной и законной самообороне.

ИНГА: Ян, что ты молчишь?

Маса подходит к Яну, молча отбирает у него веер, аккуратно кладёт в футляр.

ЯН: Вы бредите, чиновник особенных поручений!

ФАНДОРИН: Меня не было в усадьбе, когда зачитали завещание, но я выслушал с-свидетелей. Вы долго отказывались давать отцу коньяк и отпирались за флягой, только когда Казимир Борецкий согласился отдать веер мистеру Диксону.

ЯН: Совпадение!

ФАНДОРИН: Если бы яд во флягу подсыпал Диксон, он не позволил бы вашему отцу выпить, пока не получит веер. Нет, Диксон о яде не знал! Вы же, вдруг согласившись принести коньяк, сорвали сделку, и веер остался у вас.

ИНГА: Но ведь за веером охотился Диксон, вы сами говорили!

ФАНДОРИН: Да, и он заранее столкнулся с Яном Казимировичем. Должно быть, больной сообщил Диксону, что собирается завещать веер племяннику. Не деньги, которые растратил бы опекун, а именно веер. Сигизмунд Борецкий свято верил в магические свойства веера... Тогда, в

Японии, он сказал мне: «Если я добуду веер, я побоюсь им воспользоваться. Осуществить свои желания за счёт остального мира? Для этого я недостаточно подл. Улучшить мир, причинив вред себе? Для этого я недостаточно благороден. Так и буду сидеть, как собака на сене...» Дядя любил вас, вы навещали его в усадьбе. И Диксон предложил вам выгодную сделку: вы уступаете доктору веер за хорошие деньги. За хорошие, но не за миллион. Помните, как при упоминании о миллионе у вас сорвалось с языка: «Подлец! Пройдоха!» Диксон и вправду был пройдоха. Присмотревшись к Казимиру Борецкому, он сообразил, что может заполучить веер у опекуна совершенно законным образом и без вашей помощи, причем задёшево. И тем самым подписал вашему отцу смертный приговор — вы не могли допустить, чтобы куш уплыл из ваших рук.

ИНГА: Ян, почему ты не отвечаешь? Скажи, что всё это неправда!

ФАНДОРИН: Говоря мне о настоящем убийце, Диксон имел в виду вовсе не Аркадия, а вас. Это вы были под окном, вы и стреляли. И тогда, и потом в саду, и теперь. Все четыре пули выпущены вами. Улики подтверждают это.

ИНГА: Ян, ну скажи же, что это неправда! (*Порывисто хватая его за руку.*) Я поверю не уликам, я поверю тебе!

ЯН (*рассеянно — он сосредоточен на другом*): Славная, самоотверженная Инга... Боюсь только, полиция будет менее великодушна. Что же делать?

У всякой задачи, даже самой сложной непременно должно быть решение...

ИНГА: Ян, не мямли, говори!

ЯН: Тс-с-с. Ты мешаешь мне думать... Должно быть решение...

ИНГА: Ян!

ЯН (*быстро*): И, кажется, я нашёл его!

ИНГА (*радостно*): Правда?

ЯН: Только тебе, милая, оно вряд ли понравится.

Хватает Ингу левой рукой за правую, рывком разворачивает к себе спиной. Обхватывает левой рукой за горло. Правой рукой вынимает из внутреннего кармана шприц. Фандорин и Маса срываются с места.

ЯН: Стоять!!! У меня здесь столбнячный раствор! Одно движение, и она обречена!

ФАНДОРИН (*остановившись*): Маса, угоку на! Маса замирает.

ЯН: Вот и решение — парадоксальное, но эффективное.

Инга теряет сознание, так что Яну приходится удерживать её на весу.

ЯН: Даже слишком эффективное... Однако, как тяжелы бывают романтические барышни...

ФАНДОРИН: Чего вы хотите?

ЯН: Оба — пять шагов назад. А то знаю я вас, прыгунов японских. Это, как вы говорите, раз.

Фандорин и Маса отступают назад.

ЯН: Револьвер сюда. Это два.

Фандорин кладёт на пол и толкает револьвер.

Ян выпускает Ингу, она оседает на пол. Он подхватывает револьвер, взводит курок, наводит попеременно то на Фандорина, то на Масу. Шприц прячет в карман.

ЯН: Ай, да Николайер! Мой славный Николайер! Теперь три. Пусть ваш Санчо Панса тем же манером переправит мне веер.

ФАНДОРИН: Маса, сэнсу-о карэ-ни.

Маса сует руки в карманы и стоит, набычившись.

ЯН: Послушайте, советник, я не могу ждать, пока полиция приедет. Если он сию секунду не отдаст веер, я уложу вас обоих. Здесь как раз два патрона. Знаете, семь бед — один ответ.

ФАНДОРИН (резко): Има сугу да!

МАСА: Тикусё!

Вынимает коробку с веером, кладёт на пол, толкает по направлению к Яну. Тот осторожно нагибается, ни на секунду не отводя взгляд от противников. Подбирает коробку левой рукой, взвешивает на ладони, удовлетворенно кивает.

ЯН: А теперь оба вон в тот угол. (Показывает на противоположный от выхода угол.)

Фандорин и Маса повинуются.

Ян пятится к двери, держа их на мушке.

ЯН (у выхода, с шутовским поклоном): П-премного б-благодарен. За возвращённую собственность.

Исчезает. Маса хочет броситься за ним.

ФАНДОРИН: Ии кара. Икаситэ иин да.

Маса останавливается.

Фандорин бросается к Инге, садится на пол, кладёт её голову себе на колени, машет перед её лицом рукой. Маса тоже подходит, садится на корточки, сострадательно цокает языком.

ИНГА (слабым голосом): Ян... Ян! (Плачет.) Господи, что же это... Эраст Петрович! Я думала, он меня любит...

ФАНДОРИН: Деньги он любит больше.

ИНГА: Ведь он монстр, самый настоящий! Как Ванька-Каин! Или Синяя Борода! (Приподнимается.) Где он?!

ФАНДОРИН: Убежал.

ИНГА: Но его нельзя отпускать! Он убийца, чудовище!

ФАНДОРИН: Далеко не убежит. До станции одна дорога, по ней уже должна ехать полиция. Я велел в записке задерживать всякого, кто попытается покинуть усадьбу. Ну, а если предприимчивому Яну удастся уйти от исправника, его станет искать полиция всей Российской империи...

ИНГА: Он умный, хитрый! Он сбежит за границу!

ФАНДОРИН: Возможно. Знаете, Инга Станиславовна, как в средневековой Японии карали злодеев? За обычное преступление сажали в тюрьму. За тяжкое к-казнили. А за особенно ужасное подвергали изгнанию. И хуже этой кары для японца не было ничего.

ИНГА: Ян не японец! Что ему родина, особенно если... (Порывисто озирается.) Веер! Где веер?

ФАНДОРИН: Пришлось отдать.

ИНГА: Что вы наделали! Да с веером он покорит весь мир! Волшебный веер в таких руках!

ФАНДОРИН (*мягко*): Инга Станиславовна, ну ведь в девятнадцатом веке живем... Какое волшебство? Право, стыдно. Вы же современная девушка...

ИНГА: Вы ничего не понимаете! Можете говорить что угодно, но когда я ударила бедного дядю Казика веером, моя рука ощутила нечто... нечто... Я не могу передать это словами! Боже, веер у него! Это ужасно! Ужасно!

ФАНДОРИН: Успокойтесь! Маса, открой окно! Мадо-о акэро!

Машет рукой перед лицом полуобморочной Инги. Маса останавливает его руку. Достает из кармана веер, разворачивает и, как ни в чем не бывало, начинает им махать.

ФАНДОРИН и ИНГА: Маса!

ФАНДОРИН: Ты же на моих глазах... Карэ-нияттан дзя най?

ИНГА: Волшебство! Чудо!

МАСА (*печально*): Дзисё га дззаннэн дэс. Хадзимэ-кара какинаосанакутя...

ИНГА: Что он сказал?

ФАНДОРИН (*со вздохом*): Сетует, что придется заново слова из словаря выписывать. Этот фокусник умудрился засунуть в коробку вместо веера свой свиток... Ну что ж, изучение родного языка пойдет Яну Казимировичу на пользу. Узнает много полезных слов. И на «А» — «альтруизм».

МАСА (*тоном ученика, отвечающего урок*): Ритасюги.

ФАНДОРИН: И на «Б» — «благородство».

МАСА: Кэдакаса.

ФАНДОРИН: И на «В» — «верность».

МАСА: Тюдзицуса.

ФАНДОРИН: И на «Г» — «гармония».

МАСА: Тёва.

ФАНДОРИН: И на «Д». (*Масе.*) Дзинкаку.

МАСА: «Досутоинство»...

Музыка.

КОНЕЦ.

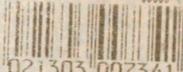
Борис Акунин ИНЬ И ЯН

черная версия

2011 И В АССОРТИМЕНТЕ 129

89083

2 021303 007341